

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА СЕРГЕЯ КОТОВА

СЕРГЕЙ КОТОВ

ЗЕМЛЯ МЕРТВЫХ
БОГИ ВОЙНЫ

Сергей Котов
Земля мертвых. Боги войны
Серия «Боевая фантастика
Сергея Котова»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69638335
Котов, Сергей. Земля мертвых. Боги войны / Сергей Котов: Эксмо;
Москва; 2023
ISBN 978-5-04-192030-2

Аннотация

Реальна ли смерть? Боец российского спецназа находит ответ – внезапно, как это всегда и бывает. Во время защиты аномальной зоны на Новой Земле, которая возникла после испытаний Царь-бомбы, он попадает в места, о которых мечтали древние воины.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	45
Глава 6	55
Глава 7	62
Глава 8	68
Глава 9	79
Глава 10	90
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Сергей Котов

Земля мертвых.

Боги войны

© Котов С., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Михалыч словил пулю снайпера. Арктический вездеход всё-таки не совсем военная техника, несмотря на защитный камуфляж. Брони нет совсем.

На рефлексх я сбросил передачу и активировал стояночный тормоз. Потом с криком «Ложись!» сам распластался под приборной панелью. Наверняка снайпер попыбует снять сразу двоих, пользуясь растерянностью. Так и вышло: одновременно с моим криком снова звякнуло стекло. Пуля ударила в железную переборку за моей спиной, отрикошетила и на излёте разбила обзорное зеркало справа.

Механик всё ещё бился в конвульсиях. Я чувствовал тепло его крови, стекающей мне на правую руку. Мужика было очень жалко: двадцать лет выслуги, на пенсию собирался. Жена, дети почти взрослые, скоро внуки были бы... больно. Но эмоции мне не мешали думать.

Мысленно я восстановил картинку за ветровым стеклом за секунду до выстрела. Где может быть позиция? Кругом, до горизонта – сплошняком белая равнина. Мелкая ледяная крупа метёт, солнце неясным пятном в ледяном мареве... да ветер. Этот вездесущий ветер. Блин, как он стрелял-то? Впрочем, ветер постоянный, без порывов. Но наверняка не обошлось без баллистического компьютера да лазерных дальномеров. Слева и впереди – тёмный провал. Я знал,

что там море и крутой берег, хотя ничего не видно. Наверняка стрелок где-то там. Больше просто негде оборудовать гнездо. Значит, угол обзора у него не может быть высоким. Иначе меня бы достал. Но какой именно? Могу ли рискнуть и рвануть назад, в технический и жилой модули?

Надо проверить. Я вынул из держателя высокий камуфлированный термос, где ещё плескались остатки моего кофе, протянул руку и начал медленно поднимать его над головой.

– Тащ капитан, что... – Летёха в техническом отсеке отреагировал на моё движение и, похоже, решил выйти из убежища.

– Замри! – перебил я. Лейтенант затих и остановился. Умный парнишка.

– Тестирую угол, – пояснил я, продолжая поднимать термос.

Снова «дзинь» – пуля пробила стекло и вырвала термос из ладони. Удар был довольно ощутимым, ладонь сразу онемела.

– Видал? – спросил я.

– Так точно, – ответил лейтенант.

Термос сбили достаточно высоко. Я мог пролезть через жилой модуль на склад оборудования. Взять там броник и активировать снегоход. Он хранился внутри тёплого периметра – как раз для того, чтобы не надо было долго прогревать в случае чего.

И всё же – какой у них план? Конечно, стрелок видел, что

завалил одного. Что он теперь будет делать? Движок и топливная система у вездехода под днищем. Серьёзного ущерба технике он нанести не сможет. Однако двигаться вслепую я тоже не могу – тут, возле побережья, это особенно опасно. Значит, снайпер просто будет держать нас на прицеле, не давая носа высунуть, пока штурмовая группа не подберётся ближе. И вот этого допустить ни в коем случае было нельзя.

– Остаться на месте. Держать оборону, – приказал я.

– Есть, – ответил лейтенант. Технических спецов, которые находились в жилом модуле, слышно не было. Но я надеялся, что у них хватит ума не высовываться.

Я протиснулся в проход между сиденьями, стараясь не слишком поднимать зад: он мне был ещё дорог. С тоской взглянул на новёхонькую мембранную куртку, которая висела на крючке за креслом. Мне её выдали специально для этой командировки. Штатная температура до минус пятидесяти, плюс химические грелки... но доставать было нереально. Оставалось надеяться, что работающий движок снегохода не даст мне замёрзнуть те несколько минут, которые я буду рвать по снежной равнине, уворачиваясь от снайперского огня.

Ненавижу холод. Выживу – все сорок пять дней заслуженного отпуска проведу в Сочи. Или в Крыму. Позже решу.

Когда я дополз до технички, снайпер что-то заподозрил и засадил ещё одну пулю в несчастное лобовое стекло. Хорошо хоть на складе был ремкомплект: я это точно знал. Проверял

по описи перед выходом.

– К-к-куда вы? – выдавил один из спецов со своего спального места в жилом модуле, когда я проносился мимо.

– Спасать нас! – на бегу ответил я.

– Удачи! – крикнул тот, не смея даже выглянуть в коридор. Молодец! Надеюсь, у остальных тоже хватит ума не высовываться.

– Спасибо! – ответил я, уже хватаясь за крепления вездехода.

Рампа долго не желала открываться. Должно быть, наледь намёрзла. В отчаянии я начал молотить её носком ботинка, и неожиданно это помогло: натужно взвизгнули электромоторы, и металлическая плита с рифлёной колеей начала медленно опускаться.

Дохнуло холодом. Туманное облачко от выходящего тёплого воздуха быстро сдуло вездесущим ветром. Я поёжился, глядя наружу, в холодную муть, полную ледяных точек.

Секунд через тридцать вездеход был готов. Как только двигатель завёлся, я заглянул в оружейку. Достал пару бронников: один тут же нацепил на себя – какая-никакая, а защита не только от пуль, но и от холода; второй кинул на плечо. На другое плечо повесил АКС-У. В штаны и карманы на бронике запихал шесть магазинов. Должно хватить. Всё равно дольше на холоде не выдержу. Шлемы тоже хранились в оружейке – как боевые, так и те, которые предназначены для езды на снегоходах. Поколебавшись немного, я выбрал

шлем из первой группы: да, тяжелее, но защита серьёзная. Если повезёт, с пулей справится.

Громко хэкнув, я устроился на сиденье, разместил перед собой второй броник – так, чтобы он полностью прикрывал руль, потом задержал дыхание и дал по газам.

Холод сразу добрался до меня, терзая тысячами ледяных игл. Ничего, надо терпеть. Главное, что руки и ноги слушаются. «Нет, никаких Сочи, – подумал я про себя, – только Сирия. Говорят, там море теплее. В Латакии новый отель недавно сдали, реклама по всем отделениям “Воентура” висела. Выбью путёвку!»

Теперь главное – скорость. И манёвренность. Я двигался зигзагом, неожиданно меняя направление через неравные промежутки времени.

В таких условиях, конечно, пулю не услышать – даже если она ляжет в паре сантиметров от снегохода. Поэтому приходилось рассчитывать на зрение.

То ли я смотрел недостаточно внимательно, то ли стрелок затаился. Позади была уже половина дистанции до берега, но никакого движения я так и не засёк. Расслабился немного, траекторию держал прямее – холод-то никуда не делся, и я чувствовал, что мышцы начинают деревенеть. И тут же был наказан: пуля ударила в броник, чуть не сбросив меня с машины. Только чудом удержался за рулём, но подставил под удар оголённый бок.

«Динь!» – было слышно даже сквозь шум движка. Повез-

ло – прилетело на пару сантиметров ниже моей груди, в силовую балку, на которую опиралось сиденье. Стрелок нервничает. Перестраховался, взял ниже, чем надо, – и вот результат.

Я зарычал и оскалился. Рывком выровнял машину. Успел засечь движение краем глаза – на самой линии горизонта, где за белой мглой уже проглядывало море.

Через пару секунд я даже смог поймать вспышку выстрела. Точно искорка на белом фоне. Но пуля прошла мимо. А потом я достал АКС и открыл заградительный огонь. Это было сложно, очень сложно: мышцы сводило от холода, пальцев я почти не чувствовал. Но держал и броник, и автомат, при этом умудряясь рулить.

Полкилометра. Стрелка не видно – затаился. Четыреста метров. Четыре вспышки подряд! И ни одного попадания – он что, вслепую стреляет?! Триста метров. Теперь я разглядел маскировочный вал. Позиция снайпера на верхушке. Интересно, что там? Техника? Двести метров. Снова три вспышки! Удар в броник. Сил хватило удержаться – но боль в суставах дикая, сразу в локтях, кистях и плечах. Снова зарычал, оскалившись. Сто метров. Первый рожок закончился.

Не останавливаюсь, влетаю под основание маскировочного вала. Тут снег вперемишку с белой тканью и каркасом из алюминиевых трубок. Меняю рожок. Очередь по верхам: кажется, там было движение.

Выбираюсь из маскировки, обхожу сбоку.

Тут блок-контейнеры! Белые, в арктическом исполнении. Целых пять штук! Прямо настоящая база. И когда успели?

Но удивляться времени не было.

С АКС на взводе я рванул к ближайшей двери. Уже нацелился на замок – но не понадобилось; дверь легко распахнулась. В тепло очень хотелось, но спешить нельзя. Я распластался по стеночке. Присел. Потом повёл стволом и дал очередь вслепую. Только после этого, не мешкая ни секунды, рванул внутрь.

Почему-то я не сомневался, что кого-нибудь да задел. Меня ведь видели; должны были выйти «встречать». Но нет: в небольшом тамбуре за дверью и коридорчике было чисто. Если не считать побитого очередью пластика, конечно.

Я рывком забросил себя внутрь. Перекатился, проверил коридор. Чисто. Что они там, уснули, что ли? Или я задел своей очередью? В последнее верилось слабо – но мало ли что в жизни бывает? Замер, кайфуя от ощущения тепла, несмотря на боль в пальцах. Но расслабляться рано: даже если стрелок (или стрелки?) реально полёг – это надо обязательно прове-рить.

Похоже, я оказался в чём-то вроде оперативного штаба. В небольшом помещении, выходящем окнами на море, была карта во всю стену, несколько работающих мониторов, кофемашина и куча бумаг, разбросанных на столе. Море катило свинцовые волны с белыми барашками и даже на вид было

ледяным. Я невольно вздрогнул. Странно всё-таки, что блок-контейнеры поместили прямо на берегу обрыва, при здешних-то ветрах... хотя я ведь толком не разглядел противоположную сторону. Вдруг там скала продолжается, а контейнер стоит на небольшой площадке, опираясь на скалу, как на стену? Тогда ветер с острова не страшен – он пройдёт выше, а ветер с моря, как сегодня, будет только прижимать жилище плотнее к берегу...

Наверху что-то скрипнуло. Я тряхнул головой, чтобы прервать поток лишних размышлений, и бесшумно сместился ко входу в штаб. Потом скользнул обратно в коридор. Дошёл до узкой лестницы, ведущей в блок-контейнер наверху. Там точно кто-то был, я слышал шаги. Значит, медлить нельзя.

Стрелка я нашёл в местном аналоге оружейки. Массивная металлическая дверь была распахнута. Я опустился на колени, мельком заглянул внутрь, осознал картинку. Он стоял в полный рост. Здоровый парень в арктическом камуфляже, винтовка – в левой руке, стволом вверх. Приклад упирается в пол. Успеет прицелиться? Точно нет.

Я взял АКС на изготовку. Рывком переместился в дверной проём, целя снайперу в грудь. Тот, увидев меня, осклабился. Поднёс ствол винтовки к подбородку и произнёс, обращаясь ко мне и глядя в глаза: «Gonna meet you on the other side. See you, dude. You kinda cool one»¹.

Осознав, что он собирается сделать, я рванул вперёд. Но

¹ Увидимся на другой стороне. Пока, чувак. Ты крутой.

не успел, конечно – череп стрелка взорвался, обдав меня фрагментами костей и мозга.

Глава 2

Был соблазн осмотреть базу детально, закопаться в документах и картах. Но ребята ждали меня в вездеходе. Едва ли они решатся нарушить приказ. Значит, даже лобовуху ремонтировать не будут. День, конечно, тут длиннее, чем на материке в это время года, но до заката не так много времени осталось. А ремонтировать ночью, под пронизывающим ветром и ледяной крупой – то ещё удовольствие. К тому же придётся освещать место работ, а это прямое нарушение наставлений о светомаскировке.

Но, конечно, я должен сначала убедиться, что стрелок был один. Это само по себе очень странно – никто не отправляет нелегальные военные исследовательские миссии в такие места в одиночном составе. И действительно: я обнаружил четыре отдельные спальни. Они явно были обитаемы – в шкафчиках личные вещи, на стенах – фотографии. Вот только хозяев нигде не было. Я обследовал все контейнеры, тщательно осмотрел местность на предмет возможных схронов. Чисто! То есть вообще ничего, даже следов.

В одном из гардеробов я позаимствовал арктический комбез. Благо нашёлся моего размера. Экипировавшись, я отправился на внешний осмотр. И довольно быстро обнаружил металлическую лестницу со страховочными кольцами, которая вела вниз, к полосе прибоя, где в небольшом гроте-укры-

тии был оборудован причал для катера на воздушной подушке. Вот и средство заброса нашлось. Озадачивало только, что судно на месте, — значит, отсутствующие члены команды не могли эвакуироваться, оставив «стрелка».

Был вариант, что часть команды отправилась на вылазку, в глубь острова. Но в контейнере-ангаре стояло два снегохода, и больше бы туда при всём желании не влезло. Если кто-то и ушёл из обитателей, то пешком. Хорошо бы тут, на базе, оставить засаду... но сначала надо вернуться, успокоить своих.

Я направился к снегоходу. И только когда завёл двигатель, сообразил, что на мне чужой комбез. Проблема: со своими не связаться никак, нам предписано полное радиомолчание. Поэтому о рации я даже не подумал, когда выезжал. Пришлось натянуть поверх комбеза второй броник, избавиться от шевронов — благо они были на липучках — и надеяться, что меня не примут за чужака. Других вариантов просто не было.

Уезжая, я оглянулся. Теперь базу было видно отчётливо: я сорвал часть маскировки, когда въехал в неё на снегоходе. Но моё внимание привлекли не верхушки белых контейнеров с бывшим снайперским гнездом. Дальше, на скалистом берегу, километрах в трёх от базы, я заметил странное сооружение. Впрочем, у меня не было уверенности в том, что это искусственный объект. Может, просто игра природы: скалы так причудливо сложились, что теперь напоминали руины

какого-то древнего замка. Но разглядывать диковинку времени не было. Потом, после ремонта вездехода и детального обследования базы, можно будет туда заглянуть, проверить что и как, для успокоения. Но не раньше.

Ваня – так звали лейтенанта – встречал меня у открытого пандуса. Как положено, он держал меня на прицеле, пока я не откинул визор, показывая лицо.

– Тащ капитан, вы! – радостно крикнул он, опуская ствол.

– Так точно! – ответил я, стараясь перекричать ветер.

Мы вместе загнали снегоход на место и закрепили машину штатными креплениями. Потом закрыли пандус.

– Надо бы Михалыча убрать... – сказал я, снимая вражескую одежду.

– Сделано, – ответил Ваня, – в медотсеке, оказывается, холодильник предусмотрен. А я и не знал. Мы с доктором убрали...

– Добро, – кивнул я. Честно говоря, – я и сам забыл про оборудование медотсека. Хотя перед выходом штудировал все ТТХ вездеходного комплекса.

– Тащ капитан, надо бы с ремкомплектom разобраться, – продолжил лейтенант.

– Слушай, – ответил я, – давай-ка ты будешь меня звать Сергей Александрович. Обстановка у нас тут специфическая. Отойдём от устава, исходя из полевой целесообразности.

– Есть, Сергей Александрович! – ответил Ваня и добавил

шёпотом: – Так в конторе у вас принято, да? Я слышал.

Я рассмеялся. Но потом всё-таки ответил:

– Так точно, Иван Михайлович.

– Ну и отлично, – улыбнулся Ваня, – с гражданскими, опять же, удобнее. Сольёмся совсем!

– Совершенно верно. – Я улыбнулся в ответ, потом кивнул в сторону стеллажа, где, как я помнил, лежал ремкомплект лобового стекла: – Ну что, делом займёмся?

Лейтенант кивнул в ответ и потёр ладони.

За следующие два часа я раз пять успел проклясть создателей ремкомплекта и раза три – инженеров, спроектировавших вездеход. Нет, конечно, сама по себе машина была хороша: комфортная, надёжная, с многократным резервированием всех ключевых узлов. Но вот к полевой ремонтпригодности были серьёзные вопросы. Видно, что тема замены лобовухи прорабатывалась чисто теоретически. Операцию, которую по инструкции должны были выполнять двое, мы вчетвером еле осилили. Иначе просто рук не хватало, чтобы держать все нужные прокладки и распорки в должном положении при заполнении герметиком.

Но в конце концов мы справились. Буквально за пару минут до заката. Ещё раз проверив установку, я, облегчённо вздохнув, активировал световые щиты. Теперь внутренности вездехода были надёжно защищены от внешнего наблюдения. Можно было смело включать свет.

– Ну, господа хорошие, – сказал я, активируя вечернюю

схему освещения, – теперь можно и об ужине подумать!

Двое ученых, помогавших нам с установкой, радостно заулыбались. Ваня согласно кивнул, поднялся и направился в сторону камбуза.

– Я займусь, – сказал он, – моя очередь.

– Что-что, а распарить сухпай этот парень здорово умеет, – сказал Лев Владимирович, один из ученых, сухой высокий мужик лет сорока, с седыми висками. Он переглянулся с коллегой, который хихикнул в ответ.

– Почему распарить? – Ваня остановился у выхода, озадаченный. – Он разогревается просто. Сублимированную лапшу уже два года как из комплектов исключили.

Ученые рассмеялись. Я понимал, что Лев процитировал какое-то произведение – фильм или книгу, хорошо известные его поколению, но сообразить, откуда именно была цитата, не смог. Поэтому просто загадочно улыбнулся и кивнул.

– Исключили, и слава богу, – ответил Михаил Александрович, второй ученый, полноватый лысый тип, похожий на колобка, – ничего полезного.

– Пойду Семёныча позову, – сказал Лев, – он сам не свой. Так и сидит в спальном отсеке...

– Они с Михалычем сдружиться успели, – вздохнул Ваня, – оба – рыбаки заядлые...

Ученые опустили глаза. Помолчали.

– Ладно, я приберусь пока тут. За ужином встретимся, –

сказал я. После чего начал собирать остатки ремкомплекта.

Ужин вышел странным. Поначалу вроде шутили. Ощущалось, как напряжение отпускает, уходит страх немедленной смерти. Так бывает после боя. Потом опять вспомнили Михалыча. Помянуть было нечем, конечно; алкоголь в таких экспедициях под строжайшим запретом. Поэтому обошлись короткими речами и минутой молчания.

После этого разговор уже не клеился. Каждый доел свою порцию, потом молча разошлись по помещениям: кто-то в спальный отсек, кто-то – в рабочий. Я вернулся в кабину, заполнять журнал. Ваня пошёл со мной – нам теперь нужно было на двоих разбить вахты.

– Глянь координаты, – попросил я, открывая журнал. Он был бумажным и заполнялся от руки на специальной огнеупорной бумаге. Архаизм, конечно, зато полная независимость от технологий.

Написав краткий отчёт, сверяясь с часами, я снова вернулся к графе с координатами.

– Иван Михайлович? – позвал я недовольно.

– Тащ капитан... – отозвался лейтенант севшим голосом, – Сергей Александрович...

– Что там? – Я поднял голову, оглянувшись на пост связи.

– Наверное, навигация сломалась, – отозвался Ваня, – хотя странно... я запустил портативную, то же самое...

– В смысле – сломалась?

– Спутники не ловит.

- Переключи на режим «Бэйдоу», – сказал я.
- Пробовал, тащ... Сергей Александрович. Не ищет.
- А портативный терминал?
- То же самое.
- Где брал переносной?
- Тут парочка в шкафу была...
- Парочка?
- Ну да. Положено.

Я встал и подошёл к посту связи. Посмотрел на терминал. Открыл окно диагностики. Судя по показаниям, прибор был абсолютно исправен. Я вырубил свет в кабине, закрыл переход в отсеки и поднял светозащиту. Снаружи прояснилось: на северо-западе всё ещё краснели отсветы заката, а на небе высыпали крупные звёзды. Я глянул через специальную выпуклость бокового окна, позволяющую делать визуальный осмотр кузова. Антенна на месте. Да и портативные терминалы должны были работать; световая защита радиопрозрачна.

– Хрень какая-то... – констатировал я.

После этого включил радио, настроил канал для аварийных кодированных сообщений. По нему нас должны были известить, если бы вдруг случилось что-то глобальное, вроде атомной войны. Об этом думать не хотелось – но иного объяснения исчезновению орбитальной группировки навигационных спутников я не находил.

Аварийная частота молчала. Я включил сканирование

эфира по всем диапазонам. Приёмник должен был остановиться через секунду – после того, как уверенно поймал бы ближайшую радиостанцию. Но этого не произошло. За несколько минут автомат прошёл все диапазоны и вернулся в исходную точку.

Мы с Ваней переглянулись. Даже в звёздном свете было видно, как лейтенант побледнел.

Я вернул экраны на место. Зажёг свет. После этого сказал:
– Иван Александрович. Пригласи-ка, пожалуйста, научных.

– Но у них личное время...

– Откажутся – конвоируй, – ответил я крайне серьёзным тоном.

Лейтенант кивнул и вышел из отсека.

Глава 3

Судя по тому, как переглядывались специалисты, я сразу понял, что для них происходящее не было таким уж сюрпризом.

– Ну что, господа хорошие, – начал я, когда они заняли место за столом в оперативной рубке, – секретность – секретностью, но для эффективного выполнения задачи мне нужно знать, какого фи́га тут происходит.

Научники снова переглянулись. Потом Семёныч – тот самый, который горевал по убитому механику – вздохнул и произнёс:

– Мы сами знаем далеко не всё...

Я помолчал секунду. Подошёл к сидящим. Постарался посмотреть каждому в глаза; никто не выдержал мой взгляд дольше, чем пару секунд.

– Значит так, – продолжил я, – допускаю, что вы не в курсе. Но по приказу, который получил я по линии своего начальства, мне прямо предписано доложить о нештатной ситуации и запросить подмогу, вплоть до ракетного удара по заданным координатам, в случае прямого столкновения с ДРГ противника. Нарушить радиомолчание в этой ситуации разрешается. Столкновение уже произошло, как вы, надеюсь, заметили. Так что или мы поговорим – или я докладываю начальству и прерываю миссию.

Семёныч вздохнул как-то особенно горестно.

– Вы же знаете, для чего мы здесь, – сказал он. – После того как исчез стройотряд двести тридцать, нам...

– Да, я был на инструктаже, – ответил я, – и провалами в памяти не страдаю. Мне известно об обстоятельствах обнаружения их вездехода. Я читал протокол следственной комиссии. Да, дело необычное. Строительные отряды не каждый день пропадают в полном составе. Плюс странности в средствах фиксации, из-за которых пошли эти нелепые слухи о Зоне. Мне это всё прекрасно известно. Нам удалось, по всей видимости, обнаружить причину исчезновения строителей.

Специалисты глядели на меня выжидающе, но спокойно и даже несколько отстранённо.

– Но это никак не объясняет исчезновение сигнала спутников ГЛОНАСС и полное радиомолчание, – закончил я.

Семёныч снова вздохнул.

– Похоже, вы не особо удивились, – констатировал я.

– Мы ожидали... разных вещей, – ответил Семёныч, глядя мне в глаза, – однако спектр возможных... явлений был слишком широк, чтобы имело смысл их обсуждать на инструктаже.

– Что ж, – я скрестил руки на груди, – полагаю, теперь нам есть о чём поговорить.

Семёныч поглядел на коллег.

– Скажите, Сергей, – спросил он, – вы когда-нибудь были

в Японии?

– Я – военный человек, как вам прекрасно известно, – ответил я, – и не могу посещать страны, не одобренные «Воентуром».

– Да, конечно, – кивнул учёный, – но... вы могли бывать там в детстве. Верно? Хотя неважно. В Японии очень интересная национальная религия. Синтоизм называется. Её приверженцы считают, что буквально всё окружающее наполнено духами-ками. Реки. Озёра. Горы. Растения. Буквально всё, даже свалки.

– Очень рад за японцев, – ответил я, – но, пожалуйста, ближе к делу.

– Что ж. До недавнего времени эти воззрения, как и многие другие, казалось, не имели никакого отношения к реальности.

– А сейчас что, имеют? – вмешался лейтенант, забыв о субординации. Я строго поглядел на него, но промолчал; он опустил взгляд.

– Современная математика и фундаментальная физика значительно продвинулись, – ответил учёный, – особенно теория информации и теория хаоса... вы ведь понимаете, о чём я?

– Все офицеры изучают высшую математику, – я пожал плечами. – К чему вы?

– Вы ведь слышали про бомбардировки Хиросимы и Нагасаки? – спросил учёный. – В то время никто ведь даже не за-

думывался о том, что происходит со сложными информационными структурами, вроде людей или животных, при практически мгновенной дезинтеграции. Какие интересные явления при этом возникают.

Мы с Ваней переглянулись.

– Просто понимаете, для японцев то, что случилось потом, не было странным. Это были просто ками, разгневанные и опечаленные трагедией. Которые вдруг захотели помочь родной земле, окружающим. Восстановить, так сказать, своё присутствие. Равновесие. Они даже смогли хранить это в секрете, довольно долгое время...

– ...Пока американцы не сообразили, что к чему, – вмешался Лев, хмыкнув. – Впрочем, даже после этого они действовали очень осторожно!

– Не понимаю, – сказал я, – можно как-то ближе к делу? При чём тут ками?

– Мои коллеги стараются, – ответил Михаил, – но как в двух словах объяснить фундаментальнейшие проблемы современной физики? Только на примерах.

– Вы вряд ли это помните, и в школах это не проходят, – снова заговорил Лев, – но во второй половине прошлого века Япония вдруг показала невероятные темпы развития, сильно обогнав остальной мир. В основном за счёт развития самых передовых технологий. Они первыми открыли промышленную полупроводниковую литографию, и долгое время их компании, производящие оптику, «Кэнон» и «Никон», зани-

мали лидирующие позиции в производстве машин, которые делали полупроводники. Они даже были второй экономикой мира, можете себе такое представить? Потом, конечно, технологическое лидерство у них отняли. Поток новых технологий иссяк, страна пришла в упадок.

– Какое... – Я хотел спросить: «Какое отношение это имеет к нашей ситуации?» Но тут до меня начало доходить.

– Как... как это происходило? – спросил я, чувствуя, как вдруг пересохло во рту.

– Это знают только контактёры, – Лев пожал плечами, – а они предпочитают молчать.

– Но иногда бывают и прямые передачи, – добавил Михаил. – Взять вездеход от пропавшей экспедиции. На борту были... скажем, технологические изделия, которые были неизвестны до этого случая. В официальном отчёте это не указано, конечно. Об этом знает только специальная группа нашего НИИ.

– Люди и животные гибли так близко, что грани между структурированными реальностями смещались. Информационные всплески не успевали поглощаться, – снова заговорил Лев.

– Кое-что прорывалось оттуда к нам, – добавил Михаил. – Иногда это было очень полезно. Не всегда, но довольно часто. Новые технологические решения. Изделия. И даже готовая информация. Всё это обеспечило Японии технологический прорыв. Технологии из невозможных миров, если по-

нимаєте, о чём я.

– Они специально очень бережно подошли к сохранению наиболее пострадавшей части своих городов. Это, как они думали, обеспечит длительную сохранность конфигурации соприкосновения. Но сначала о происходящем догадались американские спецслужбы и учёные. Начали использовать это для собственного развития. И поток «откровений» начал иссякать. Пока не исчез полностью.

– До сих пор неизвестно, почему это произошло, – сказал задумчиво Семёныч. – Японцы предпочитают думать, что это естественный процесс. Что соприкосновение затухает со временем. Но мы знаем, что ряд американских исследователей считает собственное вмешательство одной из причин деградации контакта.

– Я так понял, что-то подобное появилось на Новой Земле? На полигоне? – спросил я и тут же добавил: – Но это ведь нелогично! Тут не было жертв. Тут вообще не было людей. Такие места ведь специально подбирались, чтобы минимизировать ущерб...

Учёные переглянулись. Потом Лев сказал:

– Верно, что людей тут не было... но вот насчёт животных...

– Тут было самое большое число погибших теплокровных за всё время ядерных испытаний, – добавил Михаил, – особенно птиц. Несколько десятков миллионов зараз... и не только они. Ещё белые медведи, тюлени. В общем, масштаб

Аномалии тут будет побольше!

– То есть это не обязательно люди должны быть? – уточнил я.

– Любые сложные информационные структуры. – Михаил пожал плечами. – Если вам интересно, птицы устроены не сильно проще нас...

– И что, строители должны были разведать, реально ли получить что-то полезное в предполагаемой точке... соприкосновения у нас? – предположил я.

Учёные снова переглянулись. Лев улыбнулся, и мне совершенно не понравилась его улыбка.

– Зона давно разведана, – сказал он. – Более того, мы, наши контактёры уже начали получать новые технологии. Вполне успешно.

Вот это было неожиданно. Офицеры моего профиля привыкли владеть всей полнотой информации. А тут, получается, меня использовали втёмную! Не скрою – я немного растерялся.

– Гиперзвук, который вывел наши военные возможности на новый уровень. Лазерное оружие... Как вы понимаете, не предполагалось, что вы это узнаете. Всё, что требовалось, – это поставить новые средства обнаружения на границе Аномалии, создать заслон для диверсионно-разведывательных групп, которые, по нашим данным, активизировались в последнее время. Они проводят своих контактёров, надеются урвать кусок пирога. Мы предполагали, что гибель экспеди-

ции – их рук дело, – признался Лев.

– А это не так? – уточнил я.

– Нет. Судя по всему, – Семёныч вздохнул, – они провалились в Аномалию.

– Понимаете, у контактёра главная задача – это остаться на поверхности нашего мира. Не уйти туда, откуда приходят знания. И много чего ещё, кроме знаний. Нужно получить нужное – и тут же обратно. Внутрь – нельзя. Оттуда ещё никто не возвращался.

– Скажите, а тот снайпер, который убил Михалыча, – продолжил Семёныч, – вы... не разговаривали? Ну, может перед тем, как вы его...

– Это не я его, – я покачал головой, – он сам себя. Да, он сказал что-то вроде: «Ты крутой! Встретимся на другой стороне». Это что-то должно значить?

– Аномалия растёт. Становится сильнее, – продолжил Лев. – Ещё никто не контактировал и не проваливался так далеко от места взрыва... Мы должны были всего лишь обследовать новые границы.

У меня холодок пробежал по спине.

– Судя по тому, что вы так легко всем этим делитесь... – задумчиво произнёс я.

– ...мы находимся внутри, – закончил за меня Лев. – И не будем друг друга обманывать. Вероятнее всего, мы не выберемся. Но сможем сделать кое-что полезное для наших. Возможно, удастся протолкнуть что-то обратно. У той группы

это получилось с вездеходом.

Ваня смотрел на меня широко раскрытыми от ужаса глазами. Но мне нечем было его успокоить.

Глава 4

Честно говоря, слухи про Аномалию на Новой Земле ходили давно. Равно как и слухи об огромном кальмаре, который нападает на рыбацкие лодки и сжирает людей. Или о пришельцах, которые устроили базу на одном из бывших ядерных объектов. Я даже как-то заикнулся на очередном совещании с участием проверяющих из Москвы о том, что подобные слухи носят «упорный» характер и, возможно, являются частью стратегии информационного противоборства, направленного на военнослужащих Северного флота. Мне тогда даже не ответили. Только посмотрели так, что я сразу всё понял.

Даже теперь, несмотря на обстоятельный разговор с учёными, я всё ещё надеялся на нормальное, рациональное объяснение всему происходящему. Может, радиоаппаратура сломалась, хотя кажется исправной. Мало ли, какое оружие было у ДРГ, чей снайпер застрелился у меня на глазах? Тогда, конечно, последует неприятное объяснение с учёными и их руководством насчёт секретной информации – но с этим уж как-нибудь я бы разобрался...

Надежды – надеждами, но нутром я чувал: правы научники. Мы вляпались в нечто невиданное. И что с этим делать – я пока не придумал. Однако же нужно поддерживать порядок на борту вездехода, по крайней мере до тех пор, по-

ка не разработаем план действий. А он обязательно нужен, особенно в экстремальных обстоятельствах.

Поскольку из военных нас осталось двое, ночь вынужденно поделили на две вахты. Первую уступил Ване. Понятное дело, что парень бы не заснул сейчас, а так через четыре часа усталость своё возьмёт, и завтра он будет более-менее в норме.

Я же провалился в сон легко. Давняя привычка, сформированная в боевых условиях. Сон – это ценность.

Сон был тревожным. Мне снились руины замка. Для чего-то я должен был спуститься в подвал; там было нечто очень важное. И я пробирался туда, через завалы, через заросли странных выющихся растений, выделяющих остро пахнущий сок. Где-то вдалеке слышался птичий крик, и я знал, что мне нужно успеть до того, как первая птица долетит до замка. Мне даже удалось попасть в подвал; тревожные птичьи крики остались снаружи. Но в тот момент, когда я должен был наконец понять, что же тут скрыто такое ценное, я проснулся.

Меня вырвало из сна тонкое пиликанье будильника на электронных часах. Конечно же, никакие смартфоны в экспедицию не допускались – поэтому я пользовался простым механизмом.

Меня должен был разбудить Ваня. Но по старой привычке я всё равно выставил будильник, с задержкой на пять минут к началу вахты, просто на всякий случай.

Я вскочил с койки. Мгновенно оделся и пулей вылетел в коридор, направляясь в оперативную рубку.

Лейтенант был тут. Я едва сдержал вздох облегчения. Ничего трагичного, к счастью, не случилось – банальный сон на посту. Да, это было очень странно: Ваня ведь готовился к поступлению в нашу академию. И даже прошёл отбор. От моей характеристики многое зависело. К тому же, как я заметил, он был ответственным и исполнительным. Что ж. Не выдержал реального стресса... объяснимо. Посмотрим, как дальше себя покажет.

– Товарищ лейтенант! – нарочито громко сказал я.

Ваня дёрнулся. Открыл глаза. Увидел меня и тут же вскочил, вытянувшись по струнке.

– Объяснитесь, – продолжил я.

– Виноват, товарищ капитан! – доложил он. – У меня нет объяснения произошедшему.

– Мы в зоне действия ДРГ противника, – продолжил я. – Вы представляете всю глубину вашего проступка?

Лейтенант чуть замялся. Опустил глаза.

– Так точно, товарищ капитан... – произнёс он, после чего набрался храбрости и добавил: – Меня даже в сон не клонило... сидел, думал справочники достать, попробовать по звёздам сориентироваться, моргнул – и слышу ваш голос...

Я постоял какое-то время молча. Чувствовалось, что парень сам растерян. Я решил, что в такой ситуации психологически давить – непродуктивно. Надо сначала во всём

разобраться досконально, как следует. Уже вдохнул воздух, чтобы произнести что-нибудь ободряюще-нейтральное, но в этот момент в оперативную рубку буквально влетел Михаил. Его глаза были навывкате, пухлые губы мелко дрожали.

– Семёныч пропал! – заявил он.

– Стоп-стоп, – я выставил перед собой ладони. – С чего взяли, что он пропал? Мы на вездеходе, посреди тундры. Куда ему деваться?

– Его нигде нет! – Михаил пожал плечами. – В каюте постель смятая. Он никогда не оставлял постель незаправленной! Аккуратнейший человек! Вы... вы не знаете, но...

– Так, ладно, – кивнул я, – отставить истерику. Давайте-ка для начала осмотрим вездеход. Мало ли – может, он решил на складе заночевать? Или ищет что-то из запасов?

– Да проверял я, говорю же!

– Всё равно – нужно быть абсолютно уверенными, – настаивал я.

Вездеходный комплекс был не настолько большим, чтобы проверка заняла много времени. Уже через полчаса все закоулки были осмотрены, все щели исследованы и все закутки – освещены.

Семёныч действительно пропал. Но самым странным был даже не факт исчезновения. Дело в том, что все комплекты одежды, все защитные комбинезоны, предназначенные для работы снаружи, и все снегоходы были на месте. Человек без специального снаряжения снаружи не проживёт и десяти ми-

нут!

Подумав об этом, я тут же сам полностью экипировался и, приказав лейтенанту оставаться внутри и контролировать периметр, спустил снегоход и отправился на обследование внешнего периметра.

Я взял термограф. Достаточно чувствительная вещь – обнаружит замерзающего, но живого человека даже под метровым слоем снега.

Тщательное обследование площади в радиусе, на который, по моим расчётам, мог бы удалиться от вездехода человек без защиты, заняло ещё часа полтора.

Но всё было тщетно. Семёныч просто исчез.

– Общий сбор, – скомандовал я, когда снова оказался на борту, – через пятнадцать минут в оперативной рубке.

Ваня, встречавший меня в техническом отсеке, кивнул, сказал: «Так точно!» – и убежал выполнять приказ.

Оставшиеся научники выглядели испуганными и растерянными. Я знал, что Семёныч был их неформальным лидером. А может, и формальным – у меня просто такой информации не было. В мою задачу входило обеспечение охраны и обороны экспедиции, и только.

– Он говорил что-то накануне вечером? – допытывался я. – Что-то подозрительное? Странное?

Лев и Михаил переглянулись.

– Ничего такого, – сказал Михаил. – Вы знаете, он хоть, как и все мы, понимал всё отчаяние нашего положение, но

ему было скорее любопытно, чем страшно. Понимаете, с научной точки зрения это уникальная возможность... и он, скорее, был ей рад.

– Не могло быть такого, чтобы он отправился... так сказать, на исследования? – спросил я.

– Нет, – Лев помотал головой, – категорически! У нас ведь все приборы на борту, в этом нет смысла.

– Ясно, – кивнул я. Потом почесал подбородок и спросил: – А что, если он увидел нечто... скажем, настолько любопытное, что не смог устоять и выбежал наружу? Но не рассчитал силы и...

Научники переглянулись.

– Конечно, всякое возможно, – ответил Михаил, – но вы же понимаете: Семёныч – крайне рассудительный человек. Я не представляю, чтобы что-то могло его настолько вывести из равновесия... И потом – вы бы наверняка нашли... тело. Он ведь ушёл без экипировки!

– Голым, – неожиданно добавил Лев.

– В смысле – голым? – растерянно спросил Михаил.

– Его спальное белье было на постели. Я разве не сказал? – Лев поднял брови, изображая удивление.

– Так, – ответил я, ругая себя последними словами за то, что сам не осмотрел каюту Семёныча прежде, чем выбегать наружу, – может, он всё-таки переоделся? Может, у него было что-то своё из одежды, достаточно тёплое, чтобы продержаться более длительное время?

Лев развёл руками.

– А ещё он явно спешил... – продолжил рассуждать я. – Считаю, что нам стоит осмотреть базу диверсантов.

Научники промолчали.

Удивительно, но погода, можно сказать, наладилась. Температура, конечно, не поднималась выше минус двадцати, но светило солнце, а ветер разогнал тучи. Мне даже пришлось надеть защитные очки, чтобы снег не слепил.

Дорога до базы не заняла много времени. Никаких опасных трещин и впадин мы не встретили; вездеходы прочертили за собой идеально ровную колею, которую теперь медленно заносила позёмка.

– Тащ капитан, я с вами! – решился вызваться Ваня, уже забыв о проступке со сном на посту.

Взглянув на подчинённого, я решил не напоминать об инциденте. По крайней мере, не здесь и не сейчас, не при гражданских.

– Никак нет, – ответил я, – мы идём со Львом. Разумное распределение сил и средств – один научный эксперт, один военный. Мы не можем оставить вездеходы без квалифицированной охраны.

Лейтенант опустил глаза, но твёрдо ответил:

– Есть обеспечить охрану.

Я позволил себе короткую улыбку.

Внутри базы диверсантов по-прежнему было тепло. Видимо, работала автоматика. Я обругал себя, что вчера не про-

контролировал этот момент. А что, если бы случился пожар? Кто его знает, как у них эта система настроена. Наверняка газовое оборудование – по-другому автономные сооружения в этих широтах не делают. Даже самые совершенные аккумуляторы тут не сильно эффективны, а дизель-генераторы слишком прожорливы.

Я сразу направился в технические отсеки, чтобы оценить состояние систем. Мы разделились. Особых рисков я в этом не видел – вчера ведь лично обошёл все отсеки. Поэтому Лев сразу направился в штабной контейнер, где могли быть документы, вызывающие интерес по его части.

Теплоснабжение базы действительно было газовым. И не только тепло – сама энергосистема работала от небольшой турбины, которую питали внушительные баллоны с пропаном, заполненные на двадцать процентов. Тепло, которое выделяла турбина, использовалось непосредственно для подогрева воздуха в системе вентиляции и очистки воздуха через специальные радиаторы. Дополнительно работали тепловые насосы, запитанные от электросети. Плюс аккумуляторы для сглаживания пиков внутреннего потребления и солнечные панели на крышах контейнеров. «Они бы ещё ветряки поставили, – подумал я, изучая силовые схемы на сенсорной панели центральной консоли системы, – чтобы уж совсем забыть про маскировку». А потом в одной из вкладок я обнаружил, что к системе действительно могли подключаться ветрогенераторы.

Исследовав меню, я обнаружил режим консервации. Если верить прогнозам компьютера, имеющихся запасов газа должно было хватить ещё на месяц поддержания минимальной плюсовой температуры во внутренних помещениях, при условии отключения основных потребителей энергии. Я поставил таймер на два часа и активировал этот режим. Времени, по моим расчётам, было более чем достаточно для детального обследования базы.

Когда я поднялся в помещение, которое у диверсантов, видимо, было аналогом оперативной рубки, Лев, разочарованно хмурясь, пытался активировать один из ноутбуков, которые стояли на столе.

– Запаролено, – констатировал он, – ничего не могу сделать.

– Секунду, – сказал я, потом взял со стола все три ноута. – Ждите здесь. По бумагам что-то интересное было? – Я кивнул на стол, где были раскиданы какие-то распечатки.

– Нет, к сожалению, – Лев покачал головой, – ничего интересного. В основном хозяйственные расчёты и сводки по годам.

Я поднялся наверх, в оружейную. Труп снайпера-самоубийцы в прошлый раз я не убрал – не было ни времени, ни желания, ребята ждали меня в вездеходе. За ночь тело окоченело, большой палец правой руки застрял в скобе винтовки. Пришлось приложить значительные усилия, чтобы его достать. Можно, конечно, было бы воспользоваться ножом и

отсечь нужную часть тела – но я этого не сделал. Если честно – по суеверным соображениям. Как представил себе мертвеца, который ходит за мной с немым вопросом в тусклых глазах: «Где мой палец?», точнее: «Where is my finger?» Бр-р-р!

Но главное, что мой расчёт оправдался. Датчик сработал у второго ноута; он пискнул и разблокировался. Трогая периодически сенсорную панель, не давая ему заблокироваться вновь, я спустился вниз и подключил питание.

– Ну вот, – улыбнулся я, – дорога открыта.

Лев радостно погрузился в поиски информации, но уже через минуту разочарованно протянул:

– Файлы и папки отдельно запаролены. Сами не справимся – нужны спецы. Разве что...

– Что? – заинтересованно спросил я, склоняясь над экраном.

– Фотографии открыты, – с удивлением констатировал Лев. – Они не под паролем!

В альбоме было много личных снимков. Типичный американский дом где-то в пригороде, пожилая улыбчивая чета. Должно быть, родители погибшего. Глядя, как они машут руками тому, кто фотографировал, я ощутил что-то вроде печали. Но не слишком сильно: всё-таки их сын убил Михалыча и собирался убить меня.

Лев, тронув тачпад, прокрутил содержимое папки вниз. А вот здесь уже начиналось интересное. Монтаж контейнерной базы. Оказывается, они использовали экранолёт. Совсем но-

вая разработка. Поэтому ПВО и система подводных микрофонов их не засекли.

Потом были фотки из тундры. Мало интересного, на мой взгляд, но пара снимков очень заинтересовала Льва.

– Похоже, среди них был контактёр, – пояснил он. – Они подбирались к границам Зоны. Возможно, даже были передачи.

Я присвистнул и спросил:

– Вы-то, кстати, знаете, где эта граница? Хотя... знали бы – мы бы тут не оказались...

– Зона – она как огонь, – сказал Лев, – точных границ нет. Есть только карты вероятностей, где можно встретить проявления. Чем ближе к эпицентру – тем вероятность выше. Но и только. Тут ведь важно не просто найти границу, а доставить контактёра в такое место, откуда он мог бы вернуться...

– Стоп, – сказал я. – Вы говорите, что мы уже внутри Зоны, так?

– Боюсь, что так, – вздохнул Лев, продолжая изучать фотографии.

– Получается, эта база тоже, да?

– Безусловно.

– И снайпер? Который в нас стрелял?

– Ну конечно!

– Значит, они знали о Зоне больше, чем мы... – Я хотел закончить мысль; сказать, что, возможно, его самоубийство не было следствием нервного срыва, а точно рассчитанным

действием. Но промолчал. Потому что очень хотел ошибиться.

– А это ещё что...

Лев указал на фотографию, где кто-то из диверсантов стоял в арктическом костюме посреди руин. Это точно были развалины какого-то человеческого жилья, чего-то вроде замка. Отчётливо виднелись силуэты фундамента покоев, башен, стен и коридоров.

– Может, они по дороге где-то высаживались? Наверное, какое-нибудь древнее поселение викингов... – предположил Лев.

– Не думаю, – ответил я.

– Почему?

– Похоже, я знаю, где эти руины. Или, скорее, похожие, потому что... – Я хотел сказать, что в замке, который я мельком видел вчера, были даже уцелевшие башни. Но в этот момент Лев ещё раз прокрутил содержимое папки. И я увидел их. Башни. На более ранних снимках башня была одна. Сложенная из блоков какого-то серого камня, она выглядела органично среди руин, но, вне всякого сомнения, её конструкция была цела. Ни одной щербинки в ровной кладке, разве что сам камень покрыт налётом времени: следами выветривания и соли. Потом рядом с этой башней появилась вторая. И третья. На последних снимках других людей видно не было. Я сначала не мог понять почему – но потом решил, что тот, кто делал снимки, выезжал на место один.

– Очень странно... – сказал Лев. – Можно было предположить, что они намеренно разрушают этот... замок. Но снимки идут в хронологическом порядке. Будто они двигаются обратно во времени...

– Не думаю, что это так, – сказал я.

– Вы сказали, что знаете, где это может быть? – спросил Лев, отрываясь от монитора.

– Да, – кивнул я, – видел вчера, когда уходил отсюда.

– Может, взглянем? – предложил учёный.

Я подумал секунду. Потом кивнул.

Башен в полуразрушенном замке было четыре. На одну больше, чем на снимке. Остановив снегоход, я прикрыл глаза и попытался восстановить картину, которую видел вчера. Вроде бы башен было три – но точно теперь я сказать не мог; всё-таки время прошло, да и глянул я тогда мельком.

– Четвёртая башня, да? – констатировал Лев, слезая с заднего сиденья.

Я промолчал и заглушил двигатель.

Замок был древним. Его камни не пощадил местный климат; они были рябыми от выветривания, кое-где проступала соль.

– Интересно, какому народу могла прийти мысль строить замок в таком месте? – удивлялся Лев. Похоже, учёный, поглощённый этим осязаемым феноменом, забыл то, что говорил сам; забыл, где мы находимся.

Я заглянул в одну из ям внутри контура фундамента ещё

одной башни. Странно, но наносные отложения там были выбраны до самого скального основания. И даже сама скала, похоже, продолблена вниз, образуя ступенчатое углубление.

– Не уверен, что хочу это знать... – ответил я, поглядев на солнце, которое уже клонилось к закату. – Давайте пойдём отсюда. Надо придумать, что делать дальше.

Глава 5

– Конечно, мы можем попробовать вырваться, – говорил Михаил. – В конце концов, если этого до сих пор не происходило – почему бы этому не случиться впервые?

– Тем более что информация оттуда точно до нас доходит, – добавил Лев, – а иногда ещё и артефакты. И... – Он хотел добавить что-то ещё, но, похоже, вовремя спохватился, почесал подбородок и проговорил: – М-да...

Я не стал пользоваться его оплошностью и давить. Не то положение. Вся нужная информация сама всплывёт, несколько в этом не сомневался.

– Можно на иннерциалке проложить курс, – предложил Иван, – и попробовать выйти по своим же следам.

– Интересная идея, – поддержал Лев. – Анизотропный поток может быть инвертирован при условии временной синхронизации хотя бы в рамках суточного цикла...

Михаил бросил взгляд на круглые настенные часы, которые висели в оперативной рубке.

– Уже не успеем, – констатировал он. – Можно на следующие сутки попытаться.

– Давайте всё же не будем откладывать, – сказал я. – Мне бы не хотелось провести ещё одну ночь вблизи этого... сооружения.

Лев и Михаил переглянулись.

– Пожалуй, вы правы, – констатировал Михаил, – лучше попробовать сейчас.

Мы двигались до заката. И я хотел наплевать на светомаскировку, включить фары и двигаться ночью. Благо горючего хватало – минимум на три дня пути, и его не приходилось экономить. А потом, вглядываясь в окрашенный закатным багрянцем горизонт, я увидел вдалеке уже знакомый силуэт. Руины и четыре башни.

Я остановил караван. Ваня сидел рядом, погружённый в чтение какого-то справочника. Почувствовав, что машина встала, он поднял глаза. Перехватил направление моего взгляда.

– Ах ты ж... – Он крепко выразился, но вовремя взял себя в руки. – Прошу прощения, товарищ капитан.

– Ничего, – кивнул я. – Совершенно с тобой согласен.

– Надо сказать ученикам. Как считаете?

– Пожалуй, – кивнул я, – как раз время ужина.

За столом почти не говорили. Не о чем было. Уже под конец трапезы Лев вздохнул и выдавил из себя:

– Можно завтра попробовать. Синхронно со временем суток...

– Конечно, – кивнул я.

– И ещё катер на воздушной подушке на базе, – добавил Ваня, – если по земле не получится. Может, над морем Аномалия действует по-другому?

У меня были на этот счёт большие сомнения, но мы были

не в том положении, чтобы открыто проявлять пессимизм.

– Конечно, – кивнул я, – есть и этот вариант. Катер совершенно исправен. И горючего достаточно.

– Что ж... тогда до завтра, – кивнул Михаил и вышел из-за стола.

– До завтра. – Я кивнул в ответ и добавил, обращаясь к Ване: – Сегодня первая вахта – моя.

– Так точно, товарищ капитан. Я мог бы всю ночь, чтобы...

– Отставить, – перебил я. – Действуем разумно. Сейчас это главное.

– Есть, – ответил лейтенант, убирая остатки сухпайка в мусорный контейнер.

Я поднялся в рубку управления. Покопавшись в скудной бортовой библиотеке, достал книгу. Художественную – штудировать учебники и справочники совершенно не хотелось. Даже начал читать, пытаясь следить за сюжетом, но тут мой взгляд случайно упал на часы. Время приближалось к полуночи.

Почему-то было очень тревожно, и я никак не мог понять причины этой тревоги. Начал прокручивать в голове события последних дней и факты.

И тут в голове словно что-то щёлкнуло.

Четыре спальных места на базе диверсантов. Три башни вчера. Четыре минус снайпер-самоубийца. Пропавший Семёныч. Четвёртая башня.

Я похолодел. Проглотил вдруг застрявший в горле комок. Пятнадцать минут до полуночи. Надо успеть!

Метнувшись к аптечке, я наскоро изучил содержимое. Повезло! Снотворное было в комплекте – причём довольно сильное! Должно подействовать за десять минут максимум!

Я тут же проглотил таблетку и бегом спустился вниз.

Научники спали в своих каютах. Пришлось разбудить всех. Лейтенант тоже проснулся от поднявшегося шума.

– Мы все должны крепко спать! – объяснял я. – До рассвета как минимум!

– Я и так сплю крепко, при чём тут... – сердитым тоном ответил Лев, пожав плечами и скрестив руки на груди.

– Думаю, что Семёныч проснулся среди ночи, – сказал я, – поэтому одной башней стало больше. Понимаете?

Они всё-таки были учёными. Соображали. Долго объяснять не пришлось. Через пару секунд оба уже протягивали руки за таблетками снотворного.

– Нет, ну я всё же не понимаю, при чём тут... – Лейтенант всё ещё рассуждал вслух, не оставляя мне выбора.

– Товарищ лейтенант! Немедленно принять таблетку снотворного и отключить будильник! В своей каюте спать до естественного пробуждения! Это приказ!

– Так точно, – ответил Ваня, принимая из моих рук таблетку.

После снотворного было довольно мерзко. Не как с полноценным похмельем, конечно, но что-то вроде. Есть не хоте-

лось. Я сидел и ковырял вилкой подогретую в микроволновке кашу из сухпайка. Сейчас, утром, моё внезапное «озарение» уже не казалось таким на сто процентов убедительным. Но научники, в конце концов, сами прислушались к моим аргументам и согласились принять лекарство.

– Доброго утра, – сказал Лев скрипучим голосом, протискиваясь через узкий дверной проём.

– Доброго, – ответил я нейтральным тоном.

– Остальные спят? – спросил он, устраиваясь рядом.

– Видимо, – кивнул я и запихнул в рот кашу.

– Ясно... – Лев достал из резервуара под столом сухпайк, разорвал упаковку и вытащил пачку печенья. – Знаете...

Я уже приготовился выслушать претензии, но Лев, нажав на кнопку в кофейном аппарате и подставив чашку, сказал:

– Похоже, мы вам обязаны тем, что по-прежнему существуем.

– Думаете, я всё-таки был прав? – Я проглотил кашу и поднял бровь.

– Безусловно, – кивнул учёный. – Вы заметили очень важную закономерность в информационной ткани. А внутри Аномалии информация – это всё.

– Это... очень странно, – признался я.

– Нормальная, естественная реакция, – улыбнулся Лев.

– Что же это получается? Тот, кто не спит или просыпается ночью в этом месте, превращается в башню этого странного замка?

– Думаю, всё не так просто, – Лев покачал головой, взял готовый кофе и сделал глоток, – но, безусловно, исчезновение людей и восстановление того сооружения связаны. Возможно, люди погибают. Или их похищают для того, чтобы использовать информационную матрицу... Пока сложно сказать. У каждого мира, а тем более в переходном пространстве, куда мы с вами попали, своя логика. Она может быть нам совершенно чуждой, странной – но важно видеть и находить закономерности. Думаю, так больше шансов выжить.

Помолчали. Лев распечатал печенье и опустил одно в чашку с кофе. Потом откусил размокший кусок.

– Расскажите про Аномалию, – попросил я, – про Зону.

– Боюсь, что не смогу, – улыбнулся учёный. – Я тут впервые. Как и вы.

– Что она такое? – не сдавался я. – С теоретической точки зрения. У вас ведь есть теории? Не может такого быть, чтобы не было.

Лев посмотрел на дверной проём, словно убеждаясь, что никто не собирается войти в помещение. Потом ответил, почему-то понизив голос.

– Понимаете, существует несколько теорий, – сказал он, – а мои коллеги придерживаются традиционного видения.

Он сделал паузу, видимо, ожидая какой-то поощрительной реплики с моей стороны. Но я просто улыбнулся и кивнул.

– После создания теории всего на основе принципа ин-

формационного квантования появилось несколько интерпретаций экстремальных эффектов при информационной сингулярности. Та, которой придерживаются коллеги, если сильно упростить, заключается в том, что вся информация, когда-либо и где-либо организованная внутри горизонта событийной сингулярности нашей Вселенной, может быть доступна при локальной реализации эффектов информационного экстремума.

– В Зоне, – сказал я.

– В Зоне, – согласился Лев. – Однако лично я являюсь сторонником многомировой интерпретации.

Он снова сделал паузу, внимательно глядя мне в глаза.

– Поясните, – не выдержал я.

– Информационную конструкцию, лежащую в основе привычного нам мира, можно сравнить с операционной системой, – продолжил учёный, – в которой нечто может возникнуть только после определённой работы программ, производящих информацию. При этом сама суть работы этой системы анизотропна. Вы понимаете, о чём это?

– Вы о том, что раньше называлось термодинамикой, – ответил я.

– Совершенно верно, – кивнул Лев. – И в этом случае эффекты, доступные в Зоне, могут объясняться только существованием параллельных информационных систем.

– Это всё очень интересно, – сказал я, пожимая плечами, – но, к сожалению, любая из теорий никак не поможет

нам разобраться в происходящем.

– Отнюдь, – хитро улыбнулся Лев.

– Поясните.

– Традиционный подход предполагает, что логика информационного экстремума будет в целом подчиняться привычной и понятной логике нашего мира, в котором мы все существуем, с поправкой на сложность информации, – ответил Лев. – Тогда как многомировая интерпретация предполагает существование информационных систем, кардинально отличающихся от нашей. С точки зрения обывателя даже близкие информационные структуры – миры – могут значительно отличаться рутинной логикой. И открытая вами закономерность косвенно подтверждает именно эту теорию. Хотя, конечно, оппоненты мне могли бы возразить, что эта закономерность – проявление некой совершенной технологии, цели использования которой мы пока просто не в состоянии постичь. – Лев сардонически усмехнулся и развёл руками, как бы демонстрируя всю нелепость подобного предположения.

Словно в ответ на его жест в столовую вошёл Михаил.

– Утро, коллеги, – кивнул он. – О чём это вы тут?

– Обсуждаем своевременное наблюдение Сергея, – ответил Лев, – которое, вероятно, спасло нам жизни.

– Так-то оно так, – вздохнул Михаил, – но вы же понимаете, что это означает?

Мы со Львом переглянулись; Лев опустил взгляд.

– Понимаете, Сергей, – сказал Михаил, наливая себе кофе, – контактёр всегда, в обязательном порядке должен быть учёным. У нас это почётное место занимал, как вы догадываетесь, Семёныч. Но целью экспедиции не был контакт как таковой – он поехал, потому что была вероятность позитивного резонанса. Мы же должны были расследовать то, что произошло с группой строителей. А вы тут находитесь потому, что какие-то параноики в вашем штабе решили, что ситуация со строителями могла быть результатом работы диверсантов Западного блока. И это, конечно же, было большой ошибкой.

– Наши параноики оказались правы, – заметил я.

– Да. Вот только диверсантов мы обнаружили уже внутри Зоны, – вздохнув, ответил Михаил, – а дорогу сюда пробил военный, а не учёный. Со всеми вытекающими.

– О чём это он? – растерянно спросил я у Льва.

Лев вздохнул. Неодобрительно посмотрел на коллегу. Потом всё-таки ответил:

– Огромное значение для получения информации имеет направленность личности контактёра, – ответил он.

– Он получает то, что на самом деле хочет, – продолжил Михаил. – Учёный – знания. То, что может получить военный, можно себе представить...

– У нас нет точных данных, в Японии эта информация строжайше засекречена, – добавил Лев, – но те разрозненные кусочки данных, что до нас дошли, говорят однознач-

но: контактёрами должны быть мирные люди. Иначе последствия будут...

– Но постойте! – перебил я. – Все страны используют полученные знания для создания оружия! Это прежде всего! Не проще было бы...

– Знания – это не только технологии, – в свою очередь перебил меня Лев, – это ещё и, скажем... этическая система. Понимаете?

Кажется, я действительно понял.

– И мы попали в тот вариант Зоны, который нужен военному. А не учёному, – добавил Лев.

– Но почему? Нас ведь было поровну! Военных и учёных.

– Вот эта ерунда с башнями, – грустно улыбнулся Лев, – такое учёному точно не доступно.

Глава 6

Запасов снотворного на борту было всего на два дня. Небольшой блистер на двенадцать таблеток.

На второй день мы решили попробовать реализовать план Льва и выбраться обратным ходом в точно синхронизированное суточное время. Для этого пришлось даже залезть в логи навигационных систем. Странно, почему мне это не пришло в голову раньше: теперь я знал, когда именно был потерян сигнал ГЛОНАСС. Оказалось, всего за двадцать минут до снайперского выстрела, который оборвал жизнь Михалыча. К сожалению, инерциальная система не включилась автоматически – не были выставлены нужные настройки. Поэтому оставалось рассчитывать направления, ориентируясь на угол сближения с берегом и на Солнце.

До старта было несколько часов, и у меня появилась мысль ещё раз осмотреть «руины». Научники отговаривали от этого – мол, невозможно предсказать логику объекта, последствия могут быть любыми. Но я всё равно решил ехать. Любое наблюдение, любая информация сейчас могли быть очень ценными. Тем более что группа противника точно занималась изучением этого объекта. Вот бы понять, что именно они рассчитывали там обнаружить до того, как их поглотила Аномалия.

Со мной поехал Михаил. Кажется, Лев был не против к

нему присоединиться – но снегоход троих бы точно не выдержал. Михаил и без того заметно перегрузил машину, учитывая его сложение: скорость упала, маневрировать стало тяжелее.

Визуально казалось, что замок находится довольно далеко. Несколько километров точно. Но доехали мы минут за пять, и когда я посмотрел назад, то обнаружил, что наш вездеход стоит подозрительно близко. Я хотел было поделиться своим наблюдением с Михаилом, но он уже успел слезть с сиденья и неожиданно проворно для человека своего сложения карабкался по «руинам».

Я заглушил двигатель и пошёл вслед за учёным.

По сравнению с предыдущим визитом это место заметно изменилось. Причём дело было не только в новой башне, которая к тому же оказалась выше трёх других, – сама площадь «руин» вроде как расширилась. Стало больше разрушенных коридоров, галерей. Появились основания стен, соединяющих башни, – причём они были довольно высокими, кое-где превышали человеческий рост.

Всё внимание Михаила захватила новая башня. Он ходил вокруг, делал какие-то измерения лазерным дальномером, ставил датчики. Я же решил пройтись по галереям.

Спрыгнув с одной из полуразрушенных стен, я двинулся вдоль коридора, соединяющего башню. Если предположить, что когда-то «руины» могли быть настоящим замком, этот коридор соединял бы башни на подземном уровне, под сте-

нами. Возможно, даже выходил бы за их периметр, создавая тайный проход из твердыни.

Под слоем снега была твёрдая поверхность. Никаких осадочных отложений. Я чувствовал это ботинками. Опустившись на корточки, я расчистил часть коридора ладонью. Снега было совсем немного – может, сантиметров десять-пятнадцать, что само по себе удивительно. Но под ним нашлось нечто ещё более странное. Настоящая брусчатка. Вытесанные камни, плотно подоженные один к другому.

Хмыкнув, я поднялся и пошёл по галерее дальше. Проход упирался в полуразрушенный дверной проём, за которым виднелись ступени, ведущие куда-то вниз, под землю. Я собрался было пойти дальше, но тут услышал крик Михаила:

– Сергей! Сер-ге-ей!

– Да! Я здесь! – крикнул я в ответ и быстрым шагом пошёл обратно к башне.

Выбравшись из галереи, я подошёл к учёному, который ждал меня с планшетом в руке. Глаза умника возбуждённо блестели.

– Думаю, нам следует вернуться к вездеходу, – сказал он, демонстрируя какие-то графики на экране планшета. – Наблюдается очень странная геомагнитная активность. Посмотрите, нарастающая амплитуда и энергия. Возможно, эту активность провоцирует наше присутствие... Я бы не стал рисковать.

С сожалением глянув в сторону галереи, которая так и

осталась необследованной, я согласно кивнул и сказал:

– Возможно, вы правы. Рисковать сейчас не стоит.

Ехать задним ходом, точно следуя курсу, на многосекционном вездеходе вручную, наверное, было бы нереально, несмотря на камеры заднего вида. Но, к счастью, мне удалось настроить круиз-контроль на нестандартный режим работы. И в точно заданное время мы двинулись в путь.

К закату погода сильно испортилась. Пурга мела сплошной стеной. Учёные сочли это хорошим знаком: по их мнению, переход через границы Зоны с высокой вероятностью должен сопровождаться эффектами выброса энергии, которые могут проявляться и в виде атмосферных явлений.

Я смотрел на экран, где отображалась информация о спутниках ГЛОНАСС в зоне видимости. Любая регистрация контакта означала бы, что нам удалось вырваться, но таблица, как и прежде, оставалась пустой.

Время приближалось к полуночи. В конце концов я попросил Ивана активировать ручной терминал – вдруг встроенная антенна и правда вышла из строя? Но нет. Ошибки не было. Мы всё ещё были внутри Зоны.

За полчаса до полуночи я решил остановиться. Очевидно, попытка была неудачной, и дальше рисковать не следовало.

Как только я отключил трансмиссию, пурга вдруг прекратилась. Сквозь лобовое стекло я видел, как стена снега отступает куда-то в ночь, открывая вид на звёздное небо. А на экранах камер заднего вида было море в пенных барашках,

белеющих в свете ущербоной луны. Мы остановились в каком-то десятке метров от обрывистого берега.

Вздохнув, я снова активировал трансмиссию и отъехал от обрыва метров на сто. После этого спустился вниз, где ждали учёные, и раздал снотворное.

Пробуждение на второй день вышло более лёгким. Возможно, организм начинал привыкать к снотворному. Или же я сам психологически адаптировался к экстремальным условиям и смог должным образом настроиться. Как бы то ни было, я выспался.

– Ну что, будем пробовать вырваться морем? – спросил Лев за завтраком. В этот раз на завтрак пришли все одновременно; на меня смотрели три пары глаз.

– Конечно, будем! – ответил я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. – Должно получиться, я думаю. Море – оно такое. При должном подходе может вывести куда угодно.

Иван улыбнулся и кивнул.

– Надеюсь, вы правы, – пробурчал Михаил, отхлебнув кофе. – Нужно использовать все шансы. Это точно.

Всё с самого начала пошло не так. Несмотря на то, что я внимательно прочитал инструкцию от катера, которая в распечатанном виде хранилась на ходовом, это не сильно помогло освоить азы управления. Это только со стороны так кажется: что сложного? Запустил движок, взлетел и рули туда, куда тебе надо. На самом деле посудина была неожиданно тяжёлой для своего размера, инертной. Волны и ветер не

давали толком взять курс. И лишь пару раз едва не опрокинув нас, неудачно подвернув под очередную волну, я наконец уловил основной принцип и дальше вёл катер уже осознанно.

Инерциальной системы навигации тут не было. Только стандартный приёмник сигналов западной системы GPS. Поэтому курс приходилось держать, что называется, на глаз.

Я сориентировался по картам, которые были загружены в бортовой компьютер, и нацелился на небольшой необитаемый остров в ста пятидесяти милях от побережья Новой Земли – просто чтобы выбрать направление. Неясно было, сработает ли такое ориентирование внутри Зоны; скорее, это была перестраховка на случай, если нам действительно удастся выбраться. Выходить по радио на связь с катера противника сразу было бы не очень разумно. А так, добравшись до островка, мы бы получили временную фору, которая позволила бы командованию разобраться, что к чему, а не пытаться нас сразу уничтожить.

Впрочем, все эти усилия оказались напрасными. Уже ночью, где-то за час до полуночи, мы увидели знакомый силуэт берега. Над морем, как выяснилось, Аномалия работала точно так же, как на суше.

Примерно в миле от берега у нас закончилось горючее. Конечно, снотворное я захватил с собой, но спать в катере без хода, не пришвартовавшись к берегу, было равносильно самоубийству.

Нам сильно повезло: ночной бриз прибил нас к берегу, в каких-то десятках метров от ангара.

Спрыгнув на сушу, мы миновали базу и добежали до оставленного возле обрыва вездехода.

До полуночи, уже ощущая действие снотворного, разогнав подчинённого и научных по каютам, я едва успел вывести машину из консервации, завести двигатель и установить температурный режим. Вырубило меня прямо на ходовом.

Наутро у меня жутко затекли поясница и ноги. Пока я разминал несчастные мышцы, видимо, стонал так громко, что на ходовой пришёл Иван, в одном термобелье и чёрных шлёпанцах.

– Тащ капитан, всё в порядке? – спросил он обеспокоенно.

– Да, да... о-о-о-ох... всё отлично! Главное, что успели, – ответил я.

– Давайте помогу. – Лейтенант протянул руку, помогая мне подняться с палубы.

– Благодарю, – кивнул я, принимая помощь. – Научников проверял? Как они?

– Нет пока, – лейтенант покачал головой, – я проснулся от... от вашего голоса. Беспокоился, что случилось.

– Ясно. Ну, пойдём проверим.

Каюта Михаила оказалась пустой. Лев растерянно глядел на смятую постель коллеги, где лежало нижнее бельё.

Глава 7

– Надо посмотреть, что с башнями... – первым заговорил Иван.

– Надо, – произнёс Лев бесцветным голосом.

– Не понимаю... Он же принял снотворное! – сказал я, от досады хлопнув ладонью по железной переборке.

– Понимаете, в чём дело, – тоскливо вздохнул Лев, – ни одно лекарство не даёт стопроцентную эффективность. Кроме того, у меня есть подозрение, что Михаил мог симитировать его приём.

– Но зачем? Какой смысл? – удивился Ваня.

– Он ведь учёный, – сказал Лев. – Для него главное – первым открыть что-то важное...

Башен действительно стало больше. А сами руины расползлись по берегу серым пятном, напоминая уже целый заброшенный древний город.

Мы не выходили из вездехода. Поднялись на ходовой; я занял место оператора. Не говоря ни слова, мы просто смотрели на силуэты башен на фоне прозрачного, выстуженного постоянным ветром неба.

– У нас плюс одна доза снотворного, – заметил Ваня.

– Не думаю, что это выход, – вздохнул Лев. – Рано или поздно оно всё равно нас достанет. Чем бы оно ни было.

– Надо проверить аптечку на базе противника. Ну или сан-

часть. Должно же у них там быть хоть что-то!

Я вскинулся. И правда – почему такая простая мысль не пришла мне в голову раньше?

– Дело говоришь, – кивнул я. – Пойду-ка я прогуляюсь, пожалуй.

– Я с вами, – вызвался Лев.

– Это ещё зачем?

– В компьютеры, найденные на базе, мы пока проникнуть не можем. Но, может, вы с коллегой могли упустить что-то важное? Что поймёт только учёный?

Я подумал секунду. Потом молча кивнул.

– Остаёшься на борту, – сказал я Ване. – Держать оборону, вести наблюдение.

– Есть! – ответил лейтенант.

Несмотря на минимальную плюсовую температуру, которую я выставил в режиме консервации, внутри уже начал распространяться несвежий запах. Похоже, Лев тоже его почувал.

– Вы... не похоронили снайпера? – спросил он, осторожно ступая внутрь полутёмного помещения.

– Нет, – ответил я, посчитав излишними любые объяснения.

– Я бы хотел осмотреть тело, – сказал он. – Вы не против?

– Валяйте, – ответил я, – он на втором этаже, в оружейной. Двери открыты, не заблудитесь.

Лев посмотрел на меня, словно раздумывая – не позвать

ли с собой? Но в конце концов решил действовать самостоятельно.

– Пойду в медотсек пока, – ответил я.

Помещение для неотложной медицинской помощи тут было оборудовано серьёзно. Имелся даже портативный томограф. И хранилище с лекарствами впечатляло. Жаль только, я не был провизором, а большинство препаратов не было мне знакомо. Наверняка среди колб, блистеров и пластиковых капсул были и снотворные, в том числе очень сильные, предназначенные для наркоза. Вот только я не мог определить их. И уж тем более не мог рассчитать нужную дозировку. Никаких пояснений или инструкций в шкафах, к сожалению, не оказалось. Возможно, они все были представлены в электронном виде, в запароленных планшетах.

И всё-таки я для порядка осмотрел все запасы в поисках известных мне препаратов. Но тщетно.

– Обнаружили что-нибудь полезное?

Я отчётливо слышал шаги Льва и по ним опознал его. Поэтому даже не стал оглядываться и поднимать голову.

– Нет, к сожалению. В смысле, препараты нужные тут наверняка есть. Но я не разбираюсь в формулах и западных патентованных названиях. А вы?

– Кое-что ещё помню, из эпохи до Украины, – ответил Лев, после чего подошёл ко мне и тоже начал осматривать холодильники и шкафы с препаратами.

Однако учёному тоже не удалось однозначно идентифи-

цировать известные ему снотворные.

– Что ж... – Он пожал плечами. – Рисковать в любом случае неразумно, – сказал он, поднимаясь.

Я с недоумением заметил, как он зачем-то неловко спрятал в карман одноразовый инъектор. Но переспрашивать не стал. Вдруг там только одна доза известного ему препарата? Конечно, он поступил не очень с моральной точки зрения, но воевать с учёным за снотворное я тоже был не готов.

– Смотрите, тут холодильник для тела, – сказал Лев, стоя у выхода из медотсека. Он указывал рукой на одну из дверей в стене. – Давайте перенесём убитого. Не полноценные похороны, конечно. Но лучше, чем просто бросать его там, где застала смерть.

Я не мог сказать, чем именно походный морг лучше. Но, пожалуй, учёный был всё-таки прав.

Я молча кивнул.

Снайпер ожидаемо был тяжёлым. Трупное окоченение ещё не успело завершиться, наверное потому, что температура была слишком низкой, поэтому тащить его по лестнице было особенно неудобно. Но мы справились.

– Спасибо, – кивнул учёный, когда мы закрыли дверцу морга.

– За что? – удивился я.

– За отношение к погибшим. Что помогли.

Я удивлённо пожал плечами и направился к выходу с базы.

За полчаса до обеда Лев пришёл ко мне на мостик. Я ковырялся в навигационном планшете, пытаюсь подключить его к стационарной навигационной системе, чтобы проанализировать наши зафиксированные передвижения. Это можно было бы сделать и на стационарном терминале – но там нельзя делать отметки вручную. Неудобно.

– Сергей, – позвал Лев. Без отчества, что для него было необычной фамильярностью.

– Да? – ответил я, поднимая голову.

Меня сразу насторожило выражение глаз учёного. Подчёркнуто-спокойное. Уже не земное.

– Извините, не могу уйти просто так. – Он виновато улыбнулся. – Понимаете... тут такое дело... скорее всего, ваш случайный знакомый, этот снайпер, был не так уж и не прав. И он убил Михалыча и пытался убить вас вовсе не потому, что оборонялся. Точнее, не эта причина была главной.

– О чём вы? – настороженно спросил я.

– Думаю, у него была серьёзная причина, – продолжил учёный. – Объяснить это невозможно. Вы должны мне просто поверить. Я не могу вынудить вас на это решение, но, поверьте, будет лучше, если вы сделаете это. До того, как проснётесь среди ночи.

Я не ответил; сидел неподвижно, пытаюсь угадать намерения Льва.

– У меня осталась пара минут. – Он снова виновато улыбнулся. – К сожалению, такого простого выхода вам не пред-

ставится. Но вы ведь военный. И знаете, что делать с оружием. Это у меня не хватило бы духа.

Я вскочил с места, чтобы бежать в медотсек за универсальным антидотом. Но Лев остановил меня:

– Не беспокойтесь, – сказал он, – антидот тут не поможет. Лучше помогите мне добраться ближе к складу. Чтобы тело долго тащить не пришлось.

С этими словами Лев вышел в коридор, соединяющий отсеки, и спокойным шагом направился дальше. Я как во сне следовал за ним, отчаянно пытаюсь придумать какое-то решение. Сказать правильные слова.

Но не успел. Лев упал на палубу в паре метров от грузового отсека.

Глава 8

– Что, если он был прав? – спросил Иван.

Мы завтракали. После того, что случилось со Львом накануне, мы совершили ещё одну попытку прорыва. Но в этот раз путешествие закончилось досрочно – из-за грандиозной бури, которая к утру завалила караван почти по крышу.

– Ты о чём? – ответил я, вытирая губы салфеткой.

– Его решение. Он ведь наверняка знал больше. Только решил нам не рассказывать.

– Вот это-то и странно, – вздохнул я. – Может, потому что знал, что эти аргументы будут выглядеть бредово и неубедительно?

– Но они убедили его самого!

– Знаешь, – я посмотрел лейтенанту в глаза, – я видел, как люди стреляются, оказавшись в окружении, в заблокированной позиции. Причём зная, что ситуация не безнадёжна. Они просто не выдерживают напряжения, которое может длиться неделями.

– Но тут ведь всего пара дней...

– А там – не учёные были, а кадровые военные, которых специально готовили к таким ситуациям.

Иван кивнул и сделал глоток чая. Я совсем не был уверен в том, что убедил его. Но разговоры про самоубийство были сейчас просто недопустимы.

После заполнения журнала экспедиции мы отправились наружу, откапывать комплекс. Благо буря закончилась и ярко светило солнце.

Работали молча. Даже с каким-то остервенением. И я был этому рад: возможность физически вымотаться должна была гарантировать долгий и спокойный сон. Ведь снотворного осталась одна таблетка.

– Как вы думаете, сколько должно быть башен? – спросил Ваня, когда мы вернулись на борт.

– Понятия не имею, – искренне ответил я, стягивая отработавшее по полной мембранное термобельё.

– А я вот думал об этом. Но со стороны я не уверен, что правильно посчитал основания.

– Площадь развалин растёт, – заметил я.

– Да, – охотно кивнул лейтенант, – но расстояние между башнями сохраняется. Значит, есть какая-то схема.

– Возможно.

– Знать бы наверняка – сколько нужно людей, чтобы она была завершена.

– Мне это совсем не интересно.

– Может, когда это будет сделано, люди... ну... скажем, освободятся? – Ваня посмотрел на меня своими большими карими глазами, в которых был испуг, смешанный с надеждой.

Я вздохнул, комкая термобельё, чтобы положить его в сетку для стирки.

– Я бы на это не рассчитывал, – сказал я. – Лучше всего – это вообще не попадать... туда. У нас есть все шансы. В конце концов, стабильный ночной сон – это нормально. А пробуждение среди ночи, – скорее, исключение.

– Только не думай про обезьяну... – пробормотал лейтенант.

– Ты о чём? – насторожился я.

– Притчу одну вспомнил. Читал в детстве, – ответил Ваня. – Там один хитрый мужик говорил, что желание обязательно исполнится благодаря колдовству, но в процессе ни в коем случае нельзя думать про обезьяну. Иначе колдовство не сработает.

– А-а-а, ясно, – кивнул я. – Ну, у нас всё же другая ситуация.

– Думаете? – Иван поднял бровь.

В ответ я промолчал.

Вечером лейтенант наотрез отказался принимать единственную дозу снотворного. Он пытался спорить, приводил аргументы. Предлагал разделить лекарство – мол, так выше шансы обоим проснуться утром.

Поначалу я играл в либерализм. Но потом вернулся к позиции командира и отдал приказ. Правда, потом я извинился перед подчинённым. Сказал, пусть представит себя на моём месте. Ваня промолчал. Только обиженно глянул на меня и скрылся в своей каюте.

Я, вздохнув, тоже пошёл в свою.

Тело после дневной работы приятно ныло. Я с удовлетворением чувствовал накатывающую сонливость. Никаких сомнений в том, что я благополучно просплю до утра, у меня не было.

Тем сильнее было удивление, когда я открыл глаза, не услышав привычного писка будильника.

В каюте было темно. Только стрелки настенных часов тускло светились.

Три часа.

Осознание того, что только что произошло, обрушилось на меня. Сердце зачастило. Я закрыл глаза и продолжил лежать не двигаясь, надеясь ухватить за хвост сон, который стремительно улетучивался.

А потом я услышал, как кто-то сдвигает дверь в мою каюту.

Там была щеколда, которая позволяла запирается изнутри, но я никогда этого не делал. Зачем? Это было бессмысленно на борту вездехода, посреди белой пустыни.

Конечно, я сначала подумал на Ваню. Даже успел разозлиться. Зачем он пошёл в мою каюту, даже если проснулся? Надо было оставаться в постели и стараться снова уснуть! Совсем как я делал только что.

Я даже набрал в лёгкие воздуха, чтобы сказать что-то гневное, после чего открыл глаза. И медленно выдохнул.

В каюту, через полуоткрытую дверь, заглядывало странное существо со светящимися оранжевым пламенем тре-

угольными глазами. Его пулевидная голова была покрыта чем-то напоминающим красноватую черепицу. Рот оскален, в нём отсветы огня, которым горели глаза. Заметив мой взгляд, существо повернуло голову ко мне. Ещё больше открыло пасть.

Я заметил, как оно протянуло ко мне конечности. Они были похожи на ломаные когтистые палки.

Существо продолжило медленно втягиваться в мою маленькую каюту. Вот его голова оказалась в каком-то полуметре от моей. Оно нависало. Кожей лица я чувствовал жар его глаз. Чувал запах горелого из пасти. Вот когтистые лапы коснулись одеяла.

И в этот момент мне наконец удалось сбросить оцепенение ужаса.

Я увидел зазор между массивным, будто вытесанными из серого камня телом существа и палубой. Достаточно широкий, чтобы попробовать протиснуться.

Напружинив все мышцы, я нырнул вниз, скатившись с кровати. Тварь, видимо, этого не ожидала. Она тоскливо пропищала что-то и начала приседать – но я уже был в зазоре и через мгновение оказался в коридоре.

Куда бежать? Самое очевидное место – оружейка. Там есть кое-что посерьёзнее АКС. Вот только эту тварь надо бы выманить наружу, где можно дать залп. Значит, нужно одеться. А то очередные рывки в полуголом виде на морозе вполне могли закончиться воспалением лёгких.

В пару прыжков я достиг ходовой рубки. Сорвал термокомбез, парку, вытащил арктические ботинки. Даже успел одеться за несколько секунд, как в училище, но тут тварь с огненными глазами добралась до входа. Похоже, она была сообразительной: учла ошибку и теперь закрыла все щели своими ломаными конечностями. Путь назад, в глубь вездехода, был отрезан.

Я хмыкнул и метнулся к боковому окну. Сорвал стопор, откинул сегмент и рыбкой нырнул наружу.

Ладони я сильно отбил: под ярким солнцем ещё прошедшим днём на снегу образовался довольно прочный наст. Выбравшись на него, я оглянулся. Чудовище, шипя и разбрасывая искры, лезло в окно вслед за мной.

Можно было бы обежать вокруг вездехода и зайти через другой вход, чтобы взять оружие. Но я не успел захватить ключи! Внутри теперь самостоятельно не попасть.

Оружие есть на базе диверсантов, так что рвать надо туда.

Поднимаясь на ноги, я оценил расстояние. После вчерашних перемещений вездеход теперь стоял дальше от базы. Руины с башнями находились аккурат на полпути вдоль берега.

Пока я соображал, существо успело вылезти из окна и с шипением упало в снег, проломив наст.

Я побежал. Точнее, попытался побежать – снова провалившись под наст уже через пару шагов. Наст был слишком тонким, чтобы выдерживать вес моего тела во время бега. Пришлось ограничить скорость быстрым шагом.

Я оглянулся. Существо уже выбралось на наст и двигалось в мою сторону. То ли у меня глазомер сбился, – то ли оно выросло: потому что теперь мне казалось, что его голова с огненными глазами находилась на уровне кабины вездехода.

Его суставчатые лапы проваливались в снег, но тело – теперь я видел это отчётливо – продолжило расти.

Башни замка приближались удручающе медленно. А тварь за спиной, уже вымахавшая до размеров трёхэтажного дома, похоже, нашла способ передвижения по снегу, опустившись широкой частью туловища на наст и отталкиваясь конечностями.

Я попробовал скользить по насту в ботинках. И неожиданно это удалось. Скорость заметно выросла.

До развалин я добрался, опередив тварь метров на пятьдесят. Она продолжила расти, хотя и не так стремительно.

В том, что я успею добежать до базы диверсантов и до оружия, у меня появились серьёзные сомнения.

Что оставалось делать? Попытаться найти укромную щель. Выиграть время. Может, есть проход на берег, к обрыву; надо прокрасться вдоль него, пока существо будет обыскивать руины в поисках меня.

В потёмках, при свете ущербной луны, я нашёл галерею, которую обследовал, когда мы были здесь со Львом. Едва успел спрятаться в тени разрушенной стены, как тварь вползла на каменное основание замка. Она тут же поднялась на ломанных конечностях, как паук, осветив сполохами своих глаз

серые стены.

Я осторожно, стараясь не шуметь, двинулся вдоль галереи, избегая снежных наносов, которые могли выдать меня своим скрипом.

И тут я впервые услышал, как тварь зарычала. Это был низкий, совершенно неживой звук, чем-то напоминающий шум огромного механизма. У меня от него волосы встали дыбом, во всех местах разом.

Но что самое неприятное – я почувствовал, что руины отреагировали на этот рык. Камень у меня под ногами завибрировал, словно отвечая на ярость этой твари.

Пользуясь шумом, я ускорил шаг и через несколько секунд добрался до той части галереи, где начиналась лестница, идущая под землю.

Мне совсем не хотелось спускаться туда, в неизвестный лабиринт под странными руинами. Но выбора просто не было. Спиной я почувствовал тепло. Не оглядываясь, я знал, что уже обнаружен: тварь склонилась над галереей и, глядя на меня, уже тянула в мою сторону ломаные щупальца.

Не раздумывая более, я рванул вниз по ступеням.

Странно, но поначалу мне здорово помогал свет огненных глаз твари. Иначе я бы не смог спускаться так быстро в полной темноте. Однако через несколько пролётов он заметно потускнел. Я дотронулся ладонью до одной из стен и, придерживаясь её, продолжил спуск уже медленно и осторожно. Стена оказалась неожиданно тёплой.

Через пару пролётов снова появились красные проблески. Похоже, тварь смогла опять уменьшиться, чтобы пролезть в подземный ход. Одно радовало: по крайней мере, сделала она это не мгновенно, дав мне приличную фору.

Наконец я вырвался вперёд достаточно далеко, чтобы не видеть отблески от пламени в глазах твари. Теперь двигаться приходилось исключительно на ощупь. Нас учили этому в академии. Я доверял своим чувствам; считал шаги и повороты, рисуя в голове схему подземелья.

Пол был ровным и ощутимо спускался вниз. Хотя отблесков видно не было, но я всё ещё слышал шуршащее эхо шагов твари, которая меня преследовала. Так что думать об остановке не приходилось.

Жаль, что я не успел захватить часы. По привычке всегда снимал их на ночь. Они бы здорово помогли – по крайней мере, в контроле над временем. Без этого давящая темнота, необходимость двигаться вперёд и уже едва уловимое, но от этого не менее зловещее шуршание конечностей твари давали ощущение какого-то безвременья, закольцованного кошмара.

Я сбился со счёта шагов. Остановился, восстанавливая в памяти маршрут, и понял, что больше не слышу погоню.

«Ушла в другую ветку?» – подумал я с надеждой. Однако расслабляться рано: она ведь может и вернуться, как только поймёт, что пошла по ложному пути. Поэтому надо двигаться дальше.

Я заново начал считать шаги. Следуя вдоль стены, наткнулся на что-то вроде пологого спирального спуска. Воздух тут становился ощутимо теплее. Появился характерный запах влажного подzemелья. Я даже комбинезон расстегнул, потому что начал потеть.

Ещё несколько поворотов – и я расслышал кое-что новое. Это не было похоже на шуршание торопливых конечностей твари. Тихий гул и... плеск?

Я двинулся на звук. Через пару десятков шагов мне показалось, что тьма вокруг перестала быть такой плотной, она будто начала сереть. И действительно – крошечное подземное озерцо с водопадом я уже мог разглядеть.

Свет шёл от небольшого лаза на противоположной стороне пещеры. Чтобы протиснуться в него, мне пришлось снять комбинезон. Впрочем, особых проблем это не составило: в пещере стало не просто тепло, а даже жарковато. Это само по себе было достаточно странно, но задумываться о таких причудах не приходилось. Я хотел как можно скорее найти другой выход из подземелья, чтобы добежать до оружейки на базе диверсантов. Ну или на крайний случай – надёжное убежище.

Стены лаза были покрыты какой-то склизкой чёрной грязью, и когда я выбрался из него на другой стороне, то, должно быть, походил на пациента, сбежавшего из лечебницы бальнеологического курорта.

В этом зале на стене было треугольное пятно солнечного

света. Пахло тут не просто влажной землёй, добавился отчётливый запах зелени и какой-то экзотики. Цветов? Может быть – но точно незнакомых мне.

Я хмыкнул, подозрительно покосился назад, в лаз. Прислушался, насколько это было возможно вблизи водопада. Вроде никаких признаков погони.

Осторожно придерживая скатанный в цилиндр комбинезон, я полез наружу, к солнечному свету.

Глава 9

На адреналине всегда так: сначала действуешь рефлекторно, потом думаешь. Тут главное, чтобы рефлексы были правильные, грамотно выращенные и закреплённые на тренировках, учениях и миссиях. У меня они правильные, поэтому я до сих пор жив.

Реагируя на вводные, я не пытался анализировать всю абсурдность ситуации, в которой оказался. Задача была простой: выжить. Не дать себя поймать этой странной твари. По возможности отбиться, защитить экспедицию, подчинённого... как он там, кстати? Я вдруг отчётливо представил себе Ваню одного, в пустом вездеходе. Как бы глупостей не наделал. Возвращаться надо, и поскорее!

Но сначала – быстрая разведка. Надо хотя бы примерно понять, куда меня вынесло, что это за переход такой. Может, локальное искривление пространства? Почему бы нет, это же Аномалия, в конце концов! Как бы то ни было, но переместиться из снегов Новой Земли куда-то в тропические джунгли было очень приятно.

Я осторожно выглянул из пещеры. Солнце светило ярко; в просветах между широкими листьями синело небо. Конечно же, я не расслаблялся: у нас был отдельный курс по тропическим лесам, и я имел представление, сколько разных неприятных тварей тут может водиться. Но ни одну из них

я пока что не засёк.

А ещё – солнце тут было близко к зениту. При этом, по моим прикидкам, несмотря на некоторую дезориентацию в темноте, я едва ли провёл в подземельях больше трёх-четырёх часов. Значит, на Новой Земле ещё даже не рассвело. Где у нас находятся тропические леса? Юго-Восточная Азия. По времени – минус. Там, должно быть, как раз середина ночи. Остаётся Африка – по времени плюс, но часа на три-четыре. До полудня точно не тянет. Значит, скорее всего, я где-то в Южной Америке. Интересно. Жаль, звёздного неба не увидишь – можно было бы сориентироваться точнее.

Я вышел из пещеры. Слева от входа был скалистый голый утёс и – ещё один водопад, более высокий и мощный, чем внутри пещеры. У его основания было кристально прозрачное озеро.

Я подошёл к нему, нагнулся и осторожно потрогал воду. Тёплая! Удивительно. Такая чистая вода – и вдруг тёплая. Должно быть, водосброс тут очень большой, разная пакость не успевает задерживаться.

В любом другом водоёме тут, в тропиках, я бы не рисковал купаться. Но тут – ни рыбки, ни водоросли, всё как на ладони! Что мне могло угрожать? Да и грязь, в которой я измарался, пробираясь через узкий лаз, хотелось смыть поскорее. Она весьма неприятно пахла.

Отложив в сторону и замаскировав листьями комбез, я стянул трусы, после чего осторожно, но с огромным удоволь-

ствием нырнул в тёплую воду.

Хотелось посидеть в воде подольше – но я помнил о том, что предстоит дорога обратно. Надо выбраться из подземелий, обхитрить тварь с огненными глазами. И желательно сделать это до того, как лейтенант проснётся.

Я ещё раз нырнул, потёр под водой грудь, вымывая грязь, налипшую на густую растительность, и в пару мощных гребков вернулся к берегу. Вынырнул. Убрал рукой воду с глаз. И упёрся взглядом в чёрный круг ствола какой-то незнакомой мне автоматической винтовки, чем-то напоминающей американскую М-16.

Хозяин винтовки – коренастый бородач в тропическом камуфляже – глядел на меня неодобрительно.

Я встал на дно, стараясь занять твёрдую позицию на скользких камнях, и медленно поднял руки.

– Михайло! – закричал бородач на чистом русском. – Тут новорождённый!

От такого определения я поднял брови и удивлённо моргнул, но благоразумно промолчал.

Откуда-то сбоку слышались шаги, и на небольшую поляну у озера вышел Михайло. Светловолосый боевик с короткой стрижкой и правильными чертами лица.

– О-о-о-о, да, нежданчик, брат, – ухмыльнулся он, двигаясь в нашу сторону.

Михайло подошёл. Глянул оценивающе. Потом сказал, обращаясь ко мне:

– Ну что, вылезай, пловец. Пойдём с нами, ты нам нужен.

Я медленно, стараясь не делать резких движений, опустил руки и выбрался на берег. Бородач в это время ловким приёмом заломил мне руку за спину. Тело опять сработало само до того, как я обдумал ситуацию. Через секунду бородач лежал на земле. Моё колено придавило его челюсть, а правая рука зафиксировала руки за спиной. Я тянулся к винтовке, когда услышал:

– Ну всё, хорош, – сказал Михайло, явно снова обращаясь ко мне, – отпусти его. Руки за голову. Поднимайся, и без глупостей.

– Какого вы... – Я хотел сказать что-то возмущённое и попросить забрать трусы с комбезом, но боевик перебил меня.

– Тихо, я сказал! – повторил Михайло, который тут явно был старшим по званию. Нацеленный на меня ствол винтовки был отличным аргументом, так что я решил благоразумно выполнить требования. Даже про трусы пришлось забыть.

Мы шли по джунглям. Ступать босиком, опасаясь в любой момент быть ужаленным какой-нибудь ядовитой пако-стью, было таким себе удовольствием. Но спорить с конвоирами, не рискуя собственной жизнью, не было никакой возможности. К тому же они не проявляли беспокойства насчёт местной фауны. Может, этот участок леса безопасен и они об этом знают? Хотелось бы в это верить...

Шли мы не очень долго и где-то через полчаса оказались в походном лагере. Он был оборудован по всем правилам во-

енно-полевого искусства: с окопами, блиндажами, гнёздами дозорных и прочими прелестями.

Меня подвели к одной из палаток, где собралось человек десять. Они стояли кру́гом, в центре которого один из боевиков держал, прижимая голову к земле, какого-то парня, одетого в одни камуфлированные штаны. Мальчишка был совсем молодой. Младше Вани. Может, лет семнадцать. Худые рёбра натягивали загорелую кожу на угловатой спине, когда он дышал быстро и прерывисто. «Блин, и как тебя занесло в боевики в таком возрасте? – с досадой подумал я. – Не сиделось у мамкиной сиськи?»

Михайло убрал ствол винтовки от моей спины. Подошёл ко мне. Достал откуда-то из разгрузки внушительный нож и протянул мне.

– Держи, – сказал он, внимательно глядя мне в глаза. – Он – твой первый. Это – предатель. Нелюдь. Его нужно уничтожить. Докажи свою преданность нашему делу и перережь ему горло.

Нас учили скрывать свои мысли и чувства. И сейчас я использовал этот навык по полной, чтобы не выдать то, что на самом деле подумал в этот момент. А то этот Михайло мог и не отдать мне нож в руки. Тогда как оружие мне было очень нужно.

– Есть. – Я кивнул. Принял нож. Потом медленно опустился перед парнем на колени.

– Нет-нет-нет-нет... – шептал он, заворожённо глядя на

лезвие.

Я посмотрел на боевика, который его удерживал. Тот одобряюще улыбнулся и кивнул мне.

После этого я взял парня за волосы. Приставил нож к его горлу. Наклонился низко, к самому уху. И прошептал едва слышно: «Как освободишься – беги и не останавливайся. Я найду тебя».

Потом резким движением поднялся. Используя инерцию своего тела, всадил рукояткой ножа в основание черепа боевику, который держал мальчишку. Именно так: возня с лезвием могла вызвать непредсказуемые последствия – потоки крови, конвульсии. А так я точно знал, куда он упадёт без сознания, и ушёл с линии огня ещё до того, как первый из окружающих место несостоявшейся казни начал реагировать, целя в меня.

Я схватил потерявшего сознание боевика и, прикрываясь им, как щитом, взял его винтовку. Конструкция хоть и была незнакомой, но разобраться, где предохранитель, труда не составило.

Парень, которого я освободил, так и сидел на месте, глядя на меня большими удивлёнными глазами. Странно, но теперь в них не было страха.

– Беги же!!! – крикнул я, пытаюсь определить наиболее вероятную угрозу.

– Ладно, – спокойно сказал парень, поднимаясь и отряхиваясь. – Михайло, он наш.

- Да, Петька, согласен, – кивнул старший, – хотя у меня сомнения были. Взгляд у него... такой обычно у тех бывает.
- Взгляд – не взгляд, – Петька пожал плечами, – но он наш. Сам видел.
- Видел, – кивнул Михайло.
- Славу, блин, вырубил! – прокомментировал бородач, который нашёл меня.
- Самоуверенность – она до добра не доводит! – сказал Михайло. – Тем более это одиночка. Они часто такими бывают. Видите же, не обычный боец.
- Это да, – кивнул бородач.
- Так что не убил – и то слава богу.
- Ну это тот ещё вопрос, – бородач покачал головой. – После такого у него башка дня два раскалываться будет. А ему завтра в бой.
- Ничего. Может, подлечиться отправим. Тем более он отпусковую норму не израсходовал, – сказал Михайло.
- А вот это дело! – кивнул Петька. – Он, правда, фиг знает сколько на передке уже... пора. А то... – Парень осёкся.
- А то что? – строго спросил Михайло.
- Ничего. – Петька опустил глаза.
- То-то же. За Славу я спокоен. С ним это точно не случится. Стержень!

Я следил за этим диалогом, пытаюсь понять хоть что-то. У меня была рабочая гипотеза, что я попал в какой-то отряд наёмников, возможно, как-то связанных с наркобизне-

сом. Но даже для такой специфической сферы деятельности вели они себя очень уж необычно. Да и разговоры на русском... да, у наших ЧВК хорошие позиции в Африке – но до Южной Америки их интересы вроде пока что не доходили.

– Слушайте, дайте кто-нибудь бойцу одеться уже, а? – словно опомнившись, всплеснул руками Михайло. – Наш он. Официально подтверждаю. Каптенармус!

Запасы обмундирования и амуниции в лагере были ограничены. Каптенармус – низкий чернявый парень лет двадцати пяти по имени Лёня – сразу об этом сказал извиняющимся тоном.

– Когда тебя квалифицируют, звание и ранг определяют – тогда и переоденешься, – говорил он, копаясь среди походных сундуков. – А пока – что есть, как говорится... Каким оружием владеешь?

– Любым. – Я пожал плечами.

– Без теста и так уверенно? – Лёня усмехнулся, бросив в мою сторону недоверчивый взгляд. – Хотя кто тебя знает... сразу видно, что крутой. Я, когда родился, дня два вообще соображать не мог. Всё как в тумане было. Но мне проще было, я прям среди коммуникаций, близко к тылу вышел. Меня туда и приняли.

– Ты... помнишь, как ты родился? – осторожно спросил я.

– Конечно, – кивнул Лёня, – и ты запомнишь. Хотя эти первые дни, они... – он сделал небольшую паузу, будто погрузившись ненадолго в воспоминания, – в общем, странны-

ми они будут казаться. Это нормально, привыкнешь. Самое главное, что ты наш, поэтому никаких фильтрационных мероприятий. – Он хихикнул.

Где-то через час я был полностью одет и экипирован. Из оружия мне досталась автоматическая винтовка – только не такая, как у Михайло, а чуть другой модели, с затвором, как у «калаша». Странно, конечно, что у них тут так много незнакомого мне оружия, а ведь я думал, что знаю едва ли не всё, что производится в нашем мире...

А под конец Лёня выдал мне что-то, подозрительно похожее на ручную гранату, только выполненную в форме миниатюрной противопехотной мины, будто бы для направленного взрыва.

– Держи, – сказал он, протягивая мне эту штуковину.

– Да мне этого пока хватит, – осторожно ответил я, указывая на винтовку. – Гранаты не мой конёк.

– Это не граната, – улыбнулся Лёня, – это вакидзаси.

– Что? – переспросил я; только через пару секунд в моей памяти сработали нужные ассоциации, и я вспомнил, что так назывались японские кинжалы, предназначенные для сэпукку, ритуального самоубийства.

– Чтобы в плен наверняка не попасть. Тут видишь какое дело – в плен тут нельзя ни в коем случае. Ты пока не понимаешь, но ничего. Сообразишь очень скоро. Смотри, она вот так цепляется. – Лёня помог закрепить вакидзаси на разгрузке так, что фокус направленного взрыва оказался акку-

рат напротив моего сердца. – Активируется это просто: выдёргиваешь чеку – и через три секунды всё, свободен.

– Ясно, – кивнул я, заворожённо глядя на направленную гранату у себя на груди.

– Если надо быстрее – то вот так доворачиваешь. Тогда сработает мгновенно. Но лучше при угрозе плена не мешкать, не доводить до последнего, сечёшь? – Он подмигнул мне.

– Ясно, – повторил я и постарался выдавить из себя улыбку.

– Ну вот, – улыбнулся в ответ Лёня, – теперь иди, Михайло доложись. Он у нас командир батальона, подполковник. В званиях разбираешься?

– Вроде да. – Я пожал плечами.

– При рождении по-разному бывает, – сказал Лёня. – В основном понятия по званиям одинаковые, но бывают отличия в нюансах. Те, кто вообще званий не знают, – редкость. Но ничего, это не страшно. В конце концов, выучить легко будет. Тебе в учебке всё расскажут. Или куда там отправляют таких, как ты? – Он глянул на меня, изогнув бровь, будто в сомнениях. – Не думаю, что в обычную учебку, если честно. Ну и ладно, разберёшься! Сейчас доложись главное!

Я кивнул и вышел в лагерь, даже не уточнив, куда именно идти. В этом не было необходимости по двум причинам: во-первых, я легко «срисовал», где у местных находится штаб, а во-вторых, я не собирался туда идти. Мне очень

нужно было вернуться обратно. Не мог же я, в самом деле, бросить подчинённого?

Глава 10

Я не сомневался, что смогу найти дорогу обратно. Главное, чтобы межпространственный проход, который каким-то образом сформировался в подземельях замка, оставался открытым. Чтобы я успел спасти Ваню.

Скорее всего, тварь, которая меня преследовала, активна только по ночам. Поэтому особенно важно успеть вернуться днём. А значит, надо спешить.

Из лагеря я выскользнул без особого труда. Дозорные контролировали дальние подступы к лагерю, поэтому очередной сослуживец, который отправился куда-то по своим военно-полевым делам в ближайшие кусты, подозрения не вызвал.

До озера я добрался без проблем – дорогу хорошо запомнил. Тёплая прозрачная вода так и манила освежиться, но, конечно, останавливаться я не стал. Разве что замешкался на минуту, чтобы поискать термокомбез; без него в летней форме, которую мне выдали, пришлось бы туго.

К моему удивлению, комбеза на месте не было, хотя я точно помнил приметный куст, под которым его спрятал. Пропажа была неприятной – опять придётся мёрзнуть. Но если разогреться хорошенько и удерживать темп скольжения по насту, добраться от развалин до тягача вполне реально. В любом случае выбора нет: я не могу заниматься поисками

пропавшего комбеза целый день.

Скользнув в пещеру, я уверенно направился туда, где был грязный лаз, ведущий в зал с маленьким водопадом. Только на месте его не оказалось. Нет, он не был завален камнепадом или сместившейся стеной. Его в принципе не было. Лишь глухая скала там, где был проход.

– Ты – новорождённый, тебе прощается. – Спокойный голос за спиной заставил меня вздрогнуть. Я резко обернулся. На меня глядел Михайло. Он стоял, заблокировав отход к выходу из пещеры, словно в насмешку сложив руки за спиной; вроде как говорил этой позой: «А ну-ка попробуй кинуться наутёк!»

Но, конечно, убегать я не стал. Впрочем, отвечать тоже. Мы так и стояли, молча глядя друг на друга.

– Да ладно, расслабься, – улыбнулся наконец командир. – Это нормально – возвращаться в то место, где ты впервые появился. Тянет людей на родину. Это факт. И с этим ничего не поделаешь. Запрещать бесполезно. Конечно, могут быть исключения – если, например, место рождения перешло под контроль неприятеля. Тогда бы тебя, конечно, остановили.

– Ясно, – кивнул я.

– По глазам вижу, что не ясно, – ответил Михайло. – Живёшь пока слишком мало. И знаешь мало. Ну да ничего, обживёшься, привыкнешь. Главное – больше глупостей не делай. До присяги, понятное дело, никто тебя обвинять и наказывать не будет. Ты – парень не глупый, должен сам сооб-

ражать.

– Соображу как-нибудь... – согласился я.

– Вот и ладно, – кивнул командир. – Знаешь, что я ещё тебе скажу. Борись с этой тоской, которая привела тебя сюда. Если совсем не вмоготу будет – на базе запишись к капеллану. Точно станет легче. Даже неважно, верующим ты будешь или нет – эти ребята способны помочь. У нас не принято говорить о таком – но все всё понимают. Все это проходили при рождении.

– Ясно, – снова кивнул я. – Есть. Схожу.

– Вот и ладно... а теперь обратно пошли. За тобой вертушку обещали прислать. Одиночки с твоими задатками не каждый день попадают. Начальство решило уделить особое внимание. Так что полетишь с почестями.

– Есть, – повторил я. После чего двинулся вслед за Михайло к выходу из пещеры.

По дороге, возле озера, командир, не оборачиваясь, бросил вроде бы простой вопрос:

– Зовут-то тебя как?

Я чуть не ответил. Осёкся в последний момент. Что-то мне не понравилось в тоне, которым был задан вопрос. Этакая тщательная небрежность. Попытка замаскировать что-то важное.

Я остановился. Нахмурил брови – делая вид, будто пытаюсь вспомнить. Михайло тоже остановился. Медленно повернулся ко мне.

– Что, не помнишь? – спросил он; в этот раз в вопросе слышалось явное облегчение.

– Чёт не особо. – Я пожал плечами.

– Ладно, не бери в голову, – улыбнулся Михайло. – У нас принято, что имя новорождённому даёт тот, кто обнаружил. Но сообщает это имя всегда командир, наедине. Это традиция.

– И... как меня зовут? – спросил я.

– Ты – Серёга, – сказал командир, наблюдая за моей реакцией.

«Что это – совпадение? Или со мной играют в странную игру? – подумал я, сохраняя невозмутимое выражение лица. – Хотя имя распространённое. Может, просто совпадение».

– Серёга – значит Серёга, – ответил я, – мне нравится.

– Рад познакомиться, Серёга, – осклабился Михайло, протягивая руку.

Я ответил на крепкое пожатие.

Модель вертолёта была мне незнакома. Довольно большая машина – в длину метров двадцать. Короткий хвост с двумя килями, соосный винт. Скорее всего, предназначена для десантных операций – видны два троса для вытяжных фалов парашютов, да и конструкция рампы сзади характерная. Впрочем, сейчас в салоне, кроме меня, был всего один человек. По молчаливости и выражению глаз я предположил, что он – мой коллега в этом мире. Ему меня передал Михайло.

По дороге я надеялся рассмотреть окружающую местность. Но вертолёт летел на бреющем, видимо, опасаясь ПВО противника. И всё, что я видел, – это бесконечную «зелёнку» внизу.

База появилась неожиданно. Просто возникла среди деревьев, и вертолёт тут же зашёл на посадку, не давая толком разглядеть её топографию. Я только успел заметить блоки-контейнеры, выстроенные в две «улицы» вдоль небольшой речушки, да большие резервуары дальше у леса – видимо, склады ГСМ.

По правде говоря, надежда, что я по-прежнему где-то на Земле, в Южной Америке, стремительно таяла. Тут было слишком много незнакомого оружия и техники. Не думаю, чтобы мои познания могли изобиловать такими лакунами. Значит, скорее всего, в Зоне был проход куда-то. Возможно, в один из тех миров, о которых говорили научники. Как бы то ни было, теперь у меня не было другого выбора, кроме как разобраться в происходящем и попробовать найти дорогу обратно.

Отстегнувшись, мой сопровождающий указал на выход. Ничего не оставалось делать, как последовать за ним. На вертолётной площадке нас ждал автомобиль. Довольно интересный: что-то вроде гибрида внедорожника и багги. Вместо кузова – трубчатая рама, обтянутая камуфлированным брезентом. За рулём был какой-то парень – тоже молчаливый и нелюбопытный.

Мы проехали лагерь насквозь, свернули за склады ГСМ, въехали в джунгли. И уже там, среди невырубленных деревьев, обнаружился ещё один периметр безопасности. Достаточно серьёзный: я успел «срисовать» камеры, первую линию с проводами под напряжением, ряд «колючки» и забор из зелёных панелей в три человеческих роста.

Машина въехала под первый шлагбаум. К нам подошли двое вооружённых охранников в балаклавах. Сопровождающий что-то показал им, и после тщательного досмотра машины мы заехали на территорию.

Водитель остановился у входа в сборный дом из серых панелей. Сопровождающий кивнул ему и, сделав мне знак «на выход», сам тоже спрыгнул с машины. Я последовал за ним.

Внутри нас ждали двое в зелёных халатах. «Врачи, наверное», – подумал я. Тем более что в помещении действительно пахло больницей. Они молча, кивками поздоровались с моим сопровождающим.

Вчетвером мы прошли в большой, ярко освещённый кабинет, в центре которого стояло кресло, напоминающее зубоврачебное. Приглядевшись внимательнее, я обнаружил, что кресло оборудовано металлическими петлями, предназначенными для фиксации конечностей. Мне это категорически не понравилось – однако отступить было некуда. В помещении даже окон не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.